

КОТОКАФЕ

запрещённой
МАГИИ

МАРТА КЕСЕ

Марта Кесе

Котокафе запрещенной магии

<https://litres.ru/74620573>

SelfPub; 2026

Аннотация

Добро пожаловать в «Котокафе запрещённой магии» — место, где чашка латте подается с шепоткой опасных тайн.

Алиса отлично знает: в высшем обществе за безупречным этикетом всегда прячутся грязные семейные интриги. Но она оказалась совершенно не готова к правилам изнанки. Попав в загадочное котокафе, Алиса сталкивается с миром, где кошки видят людей насквозь, а запретное волшебство расцветает прямо под носом у инквизиции.

Здесь у каждого гостя и сотрудника есть тайны. Пытаясь распутать этот клубок, Алиса понимает: втянуть когти и отступить уже не получится. Сможет ли она вовремя распознать предателя? Ведь самое разрушительное колдовство начинается там, где пахнет корицей и уютом.

Содержание

ЧАСТЬ I. ДЕВУШКА, КОТОРОЙ НЕЛЬЗЯ ЗАВОДИТЬ КОТА	4
ГЛАВА 1. ДОЖДЬ, ФАРФОР И ЧУЖИЕ ПЛАНЫ	4
ГЛАВА 2. ПЫЛЬ И ШЕСТЕРЁНКИ	14
ГЛАВА 3. МЕЖДУ ФОЛИАНТОМ И СЕКСТАНТОМ	28
ГЛАВА 4. ЗА ЗАКРЫТЫМИ ДВЕРЯМИ	49
ГЛАВА 5. КОРОБКА СОРОК СЕМЬ	66
ГЛАВА 6. УСЫ, ЛАПЫ И ПОДОЗРЕНИЯ	79
ЧАСТЬ II. МАРЦИПАН ВЕДЁТ РАССЛЕДОВАНИЕ	101
ГЛАВА 7. АКСИОМА	101
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Марта Кесе Котокафе запрещенной магии

ЧАСТЬ I. ДЕВУШКА, КОТОРОЙ НЕЛЬЗЯ ЗАВОДИТЬ КОТА

ГЛАВА 1. ДОЖДЬ, ФАРФОР И ЧУЖИЕ ПЛАНЫ

Петербург встретил Алису стеной холодного дождя. Город знал: сегодня ей меньше всего на свете хочется возвращаться домой.

Это был тот самый упрямый, промозглый осенний ливень, который стирает очертания зданий и заставляет даже самые роскошные имперские фасады выглядеть жалкими и уставшими. Тяжёлые капли с металлическим звоном бились о чугунную ограду, разбивались о каменные ступени старинного особняка и скатывались по тёмной зелени лип. Воздух пах мокрым гранитом, стылой Невой и неизбежным ноябрём — хотя календарь всё ещё притворялся летом.

Стоя на верхней ступени фамильного гнезда Озерских, Алиса старательно натягивала кожаную перчатку. Она изо всех сил старалась не думать о том, что прямо сейчас за этими массивными дубовыми дверями сидят три человека и с редким единодушием расписывают её будущее. Будущее, к которому ей позволяли иметь лишь косвенное отношение.

А ведь всё начиналось почти невинно.

Серафима Львовна пригласила её на кофе. Любой, кто вырос в клане Озерских, усваивал одно золотое правило: фраза «зайди ко мне на кофе» никогда не означала просто кофе. Она означала допрос, к которому бабушка блестяще подготовилась, а ты — нет.

В этот раз кофе оказался крепким, эфиопским и был подан в тончайших костяных чашках с золотой каймой. Серафима доставала их из буфета исключительно в тех случаях, когда собиралась сообщить нечто крайне неприятное, но в максимально светской форме.

Алиса поняла всё с первой секунды. Годы тренировок научили её читать уровень семейной угрозы по сервировке стола:

Английский фарфор с синими птицами: Речь пойдёт о деньгах.

Массивный серебряный кофейник: Под угрозой репутация семьи.

Тонкие чашки с золотой каймой: Вмешательство в её личную жизнь.

Капкан захлопнулся.

Серафима сидела напротив — безупречно прямая, словно проглотила стальной лом. Её осанка заставляла всех окружающих рефлекторно втягивать живот и расправлять плечи. Справа от неё застыла тётя Елена, слева — двоюродный дед Аркадий Петрович. Присутствие последнего означало лишь одно: вопрос признан стратегически важным.

Алиса поняла всё ещё до того, как прозвучала та самая фамилия.

— Воронцовы будут у нас в субботу, — ровным тоном произнесла Серафима Львовна, размешивая кофе, хотя не употребляла сахар с конца девяностых. — Я распорядилась, чтобы повар накрыл ужин на восемь персон.

Алиса сделала глоток, грея ладони о чашку, и повернулась к окну, по которому сплошной стеной хлестал дождь.

— Какая удача.

— Алиса.

— Я искренне радуюсь за нашего повара. Ему полезно практиковаться.

Тётя Елена картинно поджала губы. Аркадий Петрович внезапно нашёл на дне своей чашки нечто невероятно увлекательное. И только лицо Серафимы осталось непроницаемой маской.

— Даниил тоже придёт.

Бинго.

Алиса с тихим звоном опустила чашку на блюдце. За по-

следние два месяца фамилия «Воронцов» звучала в этих стенах чаще, чем слово «здравствуйте». Сначала был благотворительный гала-вечер, где их «совершенно случайно» посадили за один стол. Потом — открытие выставки, билеты на которую бабушка купила в последнюю минуту (Даниил, разумеется, уже ждал у входа). Ужины у общих знакомых, променады по Летнему саду, камерный концерт... Режиссура была настолько топорной, что Алиса ждала, когда Серафима выскочит из-за кассы в случайной кофейне с криком: «Ой, Даниил! Какое совпадение, что вы стоите в очереди прямо за моей внучкой!»

— Какая неожиданность, — сухо констатировала Алиса.

— За ужином я прошу обойтись без подобных замечаний, Алиса. — Голос бабушки был тихим, но резал, как стекло.

— Мне бы хотелось, чтобы семья перестала превращать каждый мой выход в свет в дешёвые смотрины.

Елена шумно вздохнула. Серафима аккуратно положила ложечку на салфетку.

— Никто не устраивает тебе смотрины. Даниил — приятный молодой человек. Образованный. А их род известен нам на протяжении многих поколений.

— Вот теперь мне по-настоящему страшно.

— Алиса!

В доме Озерских не кричали. Оружием здесь были театральные паузы, ледяные взгляды и интонации, от которых хотелось извиниться за сам факт своего существования. Но

Алиса подалась ближе в сторону бабушки. Она любила Серафиму — и именно поэтому подобные экзекуции выводили её из себя.

Постороннему человеку можно просто сказать «нет». Семье сказать «нет» невозможно. Это короткое слово тут же погребают под бетонными плитами понятий «традиция», «долг» и коронного «однажды ты всё поймёшь».

— Я буду на ужине, — сдалась Алиса. — Но если вы опять усадите меня рядом с Воронцовым и назовёте это совпадением, я вызову такси до подачи десерта.

Бабушка посмотрела на неё. В её лице на долю секунды проступило чувство, которое Алиса не сразу сумела назвать: слишком мягкое для гнева, слишком живое для разочарования — скорее тревога, почти испуг.

Но эмоция исчезла так же быстро, как и появилась.

— Ты всё слишком драматизируешь, — отрезала Серафима.

Остаток разговора Алиса почти не слушала. Спустя десять минут она вежливо поблагодарила за кофе, поднялась и застегнула плащ.

— На улицу? В такой шторм? — ахнула Елена.

— Именно в такой.

И вот теперь она шагала по набережной, чувствуя, как фамильный особняк давит ей в спину. В детстве она обожала этот дом. Теперь же видела лишь двери, которые закрывались слишком плотно, и слышала разговоры, которые обры-

вались, стоило ей войти в комнату.

Дождь превратился в настоящий шквал. Капли барабанили по зонту, промокли насквозь за несколько шагов, но Алиса лишь ускорила, свернув на Средний проспект.

Мужчину она заметила не сразу.

Высокий. В тёмном пальто. Под серым зонтом. Он шёл по противоположной стороне улицы. Ничего особенного — просто прохожий. Но через два перекрёстка серый зонт всё ещё маячил на периферии зрения.

Алиса остановилась у витрины книжного. Мужчина тоже сбросил скорость. Она сделала вид, что изучает новинки, а сама скосила глаза на отражение в стекле: он стоял у светофора, даже не пытаясь перейти дорогу.

Серьёзно? Снова?

Кто-нибудь другой, возможно, запаниковал бы. Алиса только разозлилась. Озерские называли это «заботой о безопасности». Алиса называла это паранойей. Видимо, Серафима испугалась, что непокорная внучка прямо из-за кофейного стола отправится разрушать вековые устои рода, и поставила «хвост».

Она сжала ручку зонта и свернула в первый попавшийся проходной двор. Затем направо. Налево. Нырнула в узкую арку. Васильевский остров с его лабиринтами дворов-колодцев был идеальным местом для игры в прятки.

Вынырнув в незнакомом переулке, Алиса обернулась. Никого. Короткая вспышка триумфа — и тут же, на другом кон-

це улицы, из-за угла неторопливо выплыл серый зонт.

Можно было остановиться и устроить скандал. Можно было позвонить бабушке. Но Алиса не хотела сдаваться.

Ветер бросил ей в лицо горсть ледяной воды. Подол плаща отяжелел от влаги, зонт вырывало из рук. И в этот момент сквозь пелену дождя она увидела её. Маленькую, уютную вывеску с тёплым жёлтым светом. На запотевшем стекле был нарисован силуэт. Алисе было плевать, что там написано. Главное — там было тепло и сухо.

Она толкнула дверь, и над головой звякнул колокольчик.

Густой аромат свежемолотого кофе, ванили и горячей выпечки обволок её с самого порога. После ноябрьского шторма это тепло казалось раем. Алиса с облегчением стряхнула воду с зонта, подняла глаза... и замерла.

Рыжий клубок спал на подоконнике. Огромная серая туча шерсти оккупировала диван. Чёрная тень грациозно скользила между книжными полками.

Алиса плавно повернула голову к стеклянной двери. Сквозь мокрые разводы теперь читалась изнанка вывески: «Котокафе».

Конечно. Из тысяч заведений в этом огромном городе она умудрилась влететь именно сюда. Она оглянулась на улицу. Серый зонт приближался к витрине.

Выбор был поистине шекспировским. Снаружи — семейный цербер и позорная капитуляция. Внутри — пушистые убийцы и перспектива реанимации.

Алиса шагнула в зал.

Пять минут. Я посижу здесь ровно пять минут.

С раннего детства она усвоила одно: кошки для неё — смертельный приговор. Она смутно помнила свой первый приступ: ослепительно белая палата, удушливый запах медикаментов, холодная рука Серафимы на её лбу и голос врача, произносящий страшные медицинские термины. Позже, если Алиса случайно контактировала с животными, её глаза наливались кровью, горло стягивал спазм, а дышать становилось всё труднее. Семья выстроила вокруг неё стерильный купол. Даже друзей для неё подбирали с учётом отсутствия питомцев.

Она выбрала самый дальний от диванов столик у входа.

— Добрый день! Вы одна? — Улыбнулась девушка за барной стойкой.

— Искренне на это надеюсь. Просто американо. Без молока.

Алиса стянула влажный плащ и бросила телефон на стол. Кошки её игнорировали. Это вселяло робкую надежду. Кофе принесли быстро, и Алиса вцепилась озябшими пальцами в горячую керамику, не сводя глаз с улицы. Серого зонта не было. Кажется, она победила.

Первый звончок прозвучал глухо. Едва заметный зуд в правом глазу.

Алиса моргнула. Затем зачесался левый.

Началось.

Главное — не терять глаза. Не паниковать. Ещё пара минут, хвост уйдёт, и она выскочит на воздух. Но тут в горле появилось знакомое царапающее чувство. Она сглотнула.

И в этот момент в глубине зала кто-то пошевелился.

Он лежал на спинке высокого кресла, сливаясь с обивкой. Огромный. Кремовый. Невероятно пушистый. Он не просто повернул голову. Он смотрел на неё.

— Даже не думай, — одними губами прошептала Алиса.

Кот грациозно выгнул спину, спрыгнул на пол и целенаправленно зашагал к её столику.

Женщина за соседним столиком умилённо вздохнула. Алиса напряглась. Кот шёл прямо на неё. Он не отвлекался на игрушки, не смотрел на других людей. Его янтарные глаза были прикованы к её лицу.

Её же защидало так, будто в них плеснули кислотой. Из правого покатилась слеза. Горло сжалось, и лёгкое першение сорвалось в сухой, разрывающий кашель. Алиса прижала ладонь ко рту, ловя на себе обеспокоенные взоры посетителей.

Кремовый кот остановился в пяти метрах от неё. Сел. И продолжил смотреть.

— Какая гениальная стратегия, — хрипло выдавила Алиса. — Давай просто держать дистанцию.

Кот сделал шаг вперёд.

Алиса попыталась вдохнуть, но дыхание оборвалось на полпути.

Грудь сдавило ещё сильнее. Пора было бежать. Она схва-

тила плащ, но край стола внезапно накренился. Комната поплыла. Перед глазами заплясали тёмные пятна.

— Марципан! — раздался властный мужской голос с другого конца кафе.

Кот остановился. Алиса тоже.

Сквозь мутную пелену она увидела, как между столиками стремительно идёт мужчина. Высокий, в тёмной рубашке с закатанными рукавами. Он явно собирался отчитать своего питомца за назойливость, но, приблизившись, осёкся.

Его взор скользнул по пушистому Марципану. По нетро-нутому кофе. По покрасневшему лицу Алисы.

— Вам плохо?

Алиса хотела бросить ему какую-нибудь колкую фразу, но новый приступ кашля не дал произнести ни слова. Она схватилась за спинку стула, чувствуя, как ноги теряют опору.

С лица мужчины слетела вежливость хозяина заведения. Он бросился к ней. Проваливаясь в темноту, Алиса успела подумать: визит в котокафе оказался куда более худшей идеей, чем ей казалось.

ГЛАВА 2. ПЫЛЬ И ШЕСТЕРЁНКИ

Воздух внезапно превратился в густую, царапающую горло взвесь.

Мужчина вырос рядом за долю секунды до того, как Алиса успела сделать самый унижительный выбор в своей жизни: рухнуть в обморок на глазах у десятков жующих посетителей или попытаться поползти до выхода, цепляясь за чужие столики. Судя по тому, как стремительно сужалось поле зрения, время на раздумья истекало.

— У вас аллергия на кошек? — спросил он. Его голос звучал поразительно ровно, он повернулся лишь вскользь на Марципана — огромного пушистого виновника торжества, который сидел рядом и явно не испытывал ни малейших угрызений совести.

Алиса попыталась выдать что-то язвительное о скорости его реакции, но вместо слов из груди вырвался надсадный, болезненный кашель. Она отвернулась, прижимая ладонь ко рту. Горло горело огнём. Сквозь пелену слёз лицо незнакомца начало расплываться.

Больше он ни о чём не спрашивал.

Мужчина обернулся к баристе и бросил коротко, тоном, который физически исключал возможность спора:

— Лера. Уведи Марципана в дальний зал. Остальных пока не выпускай.

— Максим, я...

— Сейчас, пожалуйста.

Девушка пулей вылетела из-за стойки. Даже сквозь нарастающий звон в ушах Алиса отметила деталь: хозяину заведения не пришлось ни повышать голос, ни повторять дважды. Его власть здесь была абсолютной.

Вот только Марципан корпоративной этике не подчинялся. Когда Лера потянулась к нему, кот с изяществом тореадора ушёл от захвата и направился напрямик к Алисе. В его походке читалось невозмутимое достоинство существа, уверенного, что эта задыхающаяся девушка — единственный человек в комнате, достойный его внимания.

— Марципан. Не сейчас, — произнёс Максим тише. В его голосе скользнуло то специфическое, опасное терпение, с которым обычно обращаются к тем, кто прекрасно понимает каждое слово, но плевать хотел на правила.

Он шагнул вперёд, отрезая кота от Алисы, и протянул ей руку.

— Здесь есть зона, куда животным хода нет. Идёмте.

Даже задыхаясь, Алиса — истинная дочь семьи Озерских — сначала посмотрела на его ладонь, и лишь затем в глаза.

— Я дойду сама, — прохрипела она. Прозвучало это жалко — тонким, неприятным скрипом несмазанной дверной петли.

Лицо Максима осталось совершенно неподвижным. Раздражение и снисхождение так и не пробились сквозь при-

вычное спокойствие, и лишь чуть вздёрнутая бровь выдавала человека, наблюдающего за бессмысленным упрямством.

— Дойдёте. Только на кофемашину не падайте. Я её недавно починил.

Сквозь слёзы Алису вдруг захлестнуло дикое, совершенно неуместное желание рассмеяться. Организм идею не оценил, ответив новым спазмом. Её повело в сторону.

Максим перехватил её за локоть, давая опору. Движение было точным и хирургически выверенным.

— Я всё-таки...

Кашель не дал ей договорить. Максим крепче подхватил её под локоть.

— Держитесь за меня.

Они вместе подошли к неприметному алькову у барной стойки. Деревянные панели сливались со стеной так искусно, что неподготовленный глаз скользнул бы мимо.

Максим достал ключ, вставил в замочную скважину и повернул дважды. Раздался глухой металлический щёлчок. Дверь не распахнулась — она мягко, как по маслу, ушла в стену.

В груди всё ещё горело, но семейная выучка Озерских взяла верх над физиологией. Обычной подсобке не нужен скрытый раздвижной механизм. Как, впрочем, и обычному котакафе.

За порогом начинался узкий коридор, обшитый тёмным дубом. Шум зала и приторный запах ванили отсекло слов-

но ножом. Здесь пахло иначе: прохладой, машинным маслом, старым деревом и чем-то неуловимо пряным. Как в антикварной лавке или библиотеке.

Максим задвинул за ними дверь и на секунду задержал руку на замке, проверяя ход механизма.

— Сюда они точно не заходят? — Алиса привалилась плечом к стене, судорожно втягивая воздух.

— Не должны.

— Проверьте, пожалуйста.

Максим ещё раз нажал на ручку.

Ей становилось легче. И именно это казалось странным. Ещё минуту назад воздух казался наждачной бумагой, а теперь горло отпускало с каждой секундой. Зуд в глазах спадал. Кашель отступал в темноту.

— Лучше?

— Немного. — Алиса осторожно сделала полный вдох. — Обычно это не проходит так быстро.

— Обычно вы тоже засекаете время приступа, сидя прямо в эпицентре котокафе?

Она вскинула подбородок:

— Вы всегда допрашиваете людей, когда они слишком слабы, чтобы сбежать?

— Только если они добровольно заходят к двадцати кошкам, зная о смертельной аллергии. Пытаюсь постичь логику.

— А если её нет?

— Эту версию я тоже держу в уме.

На этот раз она всё-таки улыбнулась, пряча лицо за выбившейся прядью волос.

— Если планируете издеваться дальше, я возвращаюсь в зал.

— Не выйдет, — отрезал Максим. Ирония исчезла из его голоса. — Пока я не буду уверен, что кризис миновал, вы останетесь здесь.

В любой другой день этот властный тон выбесил бы её до искр из глаз. Но сейчас, в этом полутёмном коридоре, его спокойная категоричность парадоксальным образом успокаивала. Он не пытался ею управлять. Он управлял ситуацией.

— Идёмте. — Голос Максима смягчился. Он кивнул в конец коридора. — Там есть вода, чай и кресло, которое точно мягче этой стены. Можете выбрать что-то одно или забрать всё.

— Какая щедрость.

— Гостеприимство — политика заведения.

— Ваш кот мне её уже доходчиво объяснил.

— Марципан — фрилансер. Он работает без оглядки на руководство.

По мере того как они шли по коридору, дыхание Алисы выравнивалось окончательно. Чувство было почти магическим. Обычный приступ вымотал бы её до вечера.

Они остановились перед глухой дверью. На этот раз ключа не потребовалось. Максим нажал на неприметный металлический выступ в косяке.

Внутри стены что-то ожило.

Звук был потрясающим — сытое, ритмичное цоканье множества зубчатых колёс, цепляющихся друг за друга в идеальной гармонии. Шестерёнки.

Дверь отворилась. Алиса шагнула через порог и задумалась.

Если зал кафе был создан для беззаботных воскресных завтраков, то этот кабинет принадлежал совершенно иной эпохе. Пространство дышало тайной. За панорамным окном серые потоки дождя размывали силуэты соседних зданий, а здесь, в полумраке высоких книжных шкафов, горели лампы под матовым стеклом, выхватывая из теней блики латуни и бронзы.

У стены темнел массивный камин. Но вместо привычной решётки и дров сбоку виднелся сложный дисковый механизм с ключом зажигания. Напротив возвышались часы — исполинский корпус из красного дерева, за стеклом которого вращалась гипнотическая вселенная из рычагов, шестерней и пружин. Некоторые двигались в своём собственном, независимом от времени ритме.

Но внимание Алисы примагнитило высокий сейфовый шкаф.

Три металлических диска. Тонкие латунные желобки, соединяющие их в единую цепь. И символы. Мелкие, выгравированные с ювелирной точностью руны.

Она видела это раньше. В особняке Озерских было

несколько таких замков. Только там механика служила лишь каркасом. Сердцем системы была магия.

Алиса осторожно перевела взгляд на хозяина кабинета.

Максим, казалось, ничего не замечал. Он подошёл к столу, наполнил стакан из хрустального графина и протянул ей.

— Садитесь. И прежде чем вы заявите, что постоите сами — это предложение, а не посягательство на ваши свободы.

Она забрала стакан и опустилась в кожаное кресло у окна.

— Вы быстро учитесь.

— Издержки работы с людьми.

— А я думала — с животными.

— Кошки быстро и доходчиво объясняют, что мои навыки — мусор.

Холодная вода смыла последние крохи першения в горле. Теперь Алиса могла рассмотреть его по-настоящему. Он был высоким, с широким разворотом плеч, но без той тяжело-весной агрессии, которую мужчины часто пытаются транслировать. Тёмные волосы лежали в творческом беспорядке — следствие привычки запускать в них пальцы. Рукава рубашки закатаны до локтей. На запястье мерцали часы ручной сборки, слишком сложные, чтобы иметь фабричное клеймо.

В нём не было желания нравиться. И именно это притягивало.

— Итак. — Максим прислонился бедром к краю стола, скрестив руки на груди. — Вы можете меня ненавидеть, не рискуя задохнуться. Зачем человек с тяжёлой аллергией идёт

в котокафе?

Алиса убрала волосы за ухо. Рассказывать этому циничному красавцу про семейные тайны, человека с серым зонтом и тотальное нежелание возвращаться домой она не собиралась.

— Мне понравилась ваша вывеска, — выдала она с абсолютно каменным лицом.

Максим выдержал паузу.

— Настолько, что вы решили положить за неё жизнь?

— Это очень хорошая вывеска.

— Обязательно выпишу дизайнеру премию.

— Только не уточняйте, чьей кровью она оплачена.

Он усмехнулся уголком губ и... замолчал. Максим просто принял её ложь как факт. Не хочешь говорить — твоё право.

Внимание Алисы скользнуло к сейфу. Символы. Знакомая вязь, которую вживляли в артефакты старой школы.

— Редкий замок, — бросила она, изо всех сил изображая светскую скуку.

Максим проследил за тем, куда она смотрит.

— Старый.

— Я вижу.

— Обычно люди говорят «какой красивый».

— Обычно люди не понимают, на что смотрят.

Слова слетели с губ прежде, чем сработал внутренний фильтр. Максим не шелохнулся, но что-то в комнате неуловимо изменилось.

— А вы, значит, понимаете? — тихо спросил он.

Ошибка.

— Я понимаю, что это замок. — Алиса сделала показательно долгий глоток. — Для жертвы кошачьего террора у меня отличная дедукция.

— Разумеется.

Слишком ровный тон. Оба понимали, что говорят сейчас совершенно не о замках. Алиса спаслась бегством, улыбнулась невпопад и уставилась на стену над его столом.

Ватманы. Чертежи. Идеально выверенные линии, где классическая механика переплеталась с чем-то запредельным. Контуры стабилизации. Узлы перераспределения потоков.

Сомнений не осталось. Артефакторство. Обычный владелец общепита не чертит схемы вплетения магии в металл.

— Ваша работа? — Она кивнула на чертежи.

— В основном.

— И часы тоже?

— Да.

— А замок?

— Мой.

— И... камин?

Максим перехватил её реакцию, и в его глазах вспыхнула искренняя, почти мальчишеская гордость.

— О, особенно камин.

Вместо долгих лекций он подошёл к стене и взялся за

ключ.

— Его нельзя просто зажечь, — пояснил он. — Сначала нужно задать ритм.

Он провернул механизм. Комнату наполнил сочный, живой звук перекачивающихся шестерней. Металлическая заслонка сдвинулась. Внутри щёлкнул боёк, высекая снопы искр, и в следующий миг в глубине вспыхнуло чистое, гудящее пламя, заливая медь решётки жидким золотом.

Алиса подалась вперёд, заворожённая зрелищем.

— Это же совершенно непрактично, — выдохнула она, не в силах скрыть восхищения.

— За это я его и люблю.

— Можно было поставить электрокамин с имитацией.

— Можно было вообще не открывать кафе.

— Туше.

Он вернулся к столу. Алиса не могла отвести глаз от огня.

— Так кто вы? Часовщик?

— Бывает.

— Механик?

— Случается.

— Владелец кафе?

— На это есть налоговая декларация.

Она подняла голову, глядя ему прямо в глаза:

— А если я спрошу про артефакты?

Максим лениво взял со стола медный винт, перекатил его между длинными пальцами и положил обратно. Это спокой-

ствие было красноречивее крика.

— Тогда я спрошу, — мягко парировал он, — откуда у вас такой специфический интерес к артефактам.

Алиса почувствовала, как по венам растекается адреналин.

— У вас всегда наготове встречный вопрос?

— Только если мой вопрос интереснее вашего.

— Ужасно бесит.

— Знаю.

— И вы не пытаетесь исправиться?

— Как видите, пока держусь.

Они одновременно улыбнулись. Напряжение, искрившее между ними, вдруг сменилось зыбким, хрупким равновесием. В этот короткий миг Алиса забыла про семью, про угрозы и про тот проклятый зонт. Ей было тепло. Ей было легко дышать. Ей... совершенно не хотелось уходить из этого кабинета.

Она моргнула, отгоняя странную мысль.

— Вам всё ещё плохо? — тут же среагировал Максим.

— Нет. — Она прислушалась к себе. — Как ни странно. Всё прошло. Подозрительно быстро.

— А обычно?

— Обычно это часы мучений.

Она снова посмотрела на огонь.

В кабинете раздался металлический щёлчок.

Максим обернулся. Алиса машинально повернулась за

ним следом.

Ручка двери плавно поползла вниз, будто кто-то с другой стороны осторожно надавил на неё.

— Ждёте гостей? — спросила она, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Нет.

— Персонал?

— Никто не входит сюда без стука.

Дверь приоткрылась. В щель просунулась наглая, пушистая кремовая морда с янтарными глазами.

Алиса вжалась в кресло.

— Вы, должно быть, шутите, — прошептала она.

Марципан по-хозяйски протиснулся внутрь.

Максим оторопел, глядя на кота с таким неподдельным шоком, что Алисе стало бы смешно, если бы ей не было так страшно.

— Я запер её, — произнёс он в пустоту.

— Ваш кот, видимо, анархист и не признаёт замков.

— Он животное. Он не мог открыть этот механизм.

— Скажите это ему.

Марципан проигнорировал хозяина. Не глядя на камин, он целеустремлённо, шаг за шагом, направился к Алисе.

Она вскочила, отступая к окну.

Первый удар настиг её прежде, чем она успела приготовиться. Слезы брызнули из глаз, горло сдавило невидимым жгутом.

— Максим... — прохрипела она, цепляясь за подоконник.
— Если тут есть ещё одна волшебная дверь... самое время её открыть.

Он рванулся вперёд, чтобы перехватить кота, но на полпути вдруг застыл как вкопанный.

— Что?! — крикнула Алиса сквозь кашель.

Максим смотрел на Марципана. Вернее, на его шерсть.

Там, где на спину падала тень от книжного шкафа, кремовые волоски... светились. Это было едва уловимое, пульсирующее золотое мерцание, похожее на пыльцу, разносимую ветром.

Лицо Максима окаменело. Он аккуратно опустил на одно колено и провёл ладонью по кошачьей спине. На миг к пальцам прилипло несколько золотых искр, тут же растворившихся в воздухе.

Макс посмотрел на свою руку. Вся его ирония, вся ослабленная самоуверенность выгорели дотла — он молча сгрёб кота в охапку, вынес в коридор и захлопнул дверь. Замки щёлкнули с агрессивной, пулемётной скоростью.

Когда всё же обернулся, Алиса стояла у окна, судорожно глотая воздух.

— Что вы там увидели? — выдохнула она.

Максим подошёл к столу и с ожесточением вытер пальцы салфеткой, хотя они были абсолютно чистыми.

— Я не уверен, что мне не показалось.

— Вы лжёте.

Он поднял лицо — черты заострились, налившись тяжёлой, опасной тьмой:

— А вы слишком много замечаете.

— Ответьте на вопрос.

— Я намеренно на него не отвечаю.

Злость смешалась с первобытной тревогой. Алиса посмотрела на свои руки. Приступ повторно прекратился. Так же внезапно, как и накатил. Как по щелчку выключателя.

Она подняла глаза. Максим стоял спиной к ней, изучая чертежи, но она видела по линии его плеч — он напряжён как струна.

— Это была не аллергия, да? — прошептала Алиса. — И та пыль...

Он молчал так долго, что ей показалось, он уже не ответит. Тишину нарушал лишь ливень за окном и мерное, неумолимое вращение шестерёнок в огромных часах.

Наконец, Максим медленно обернулся. В его глазах отражалось пламя камина, и в этот момент он выглядел по-настоящему опасным.

— Я пока не знаю, что именно это было, Алиса. — Его голос звучал мягко, но пробирал до костей. — Но на обычную аллергию не похоже. Надо проверить.

ГЛАВА 3. МЕЖДУ ФОЛИАНТОМ И СЕКСТАНТОМ

Тишина, повисшая в кабинете после слов Максима, казалась густой и осязаемой. Она не была абсолютной — за окном всё так же монотонно хлестал петербургский дождь, в камине сыпались искрами сухие дрова, а старинные часы отсчитывали секунды с неумолимым, гипнотическим ритмом. На её фоне молчание между ними ощущалось особенно ясно. Алиса осторожно опустилась в кресло. Уверенности в том, что ей стоит оставаться здесь хотя бы лишнюю минуту, не было ни на грош. Тело всё ещё помнило панику от приступа: горло саднило, глаза неприятно резало, а в голове бились две абсолютно полярные мысли. Рациональная требовала немедленно встать и уйти. Иррациональная — хотела узнать, что именно Максим увидел на шерсти Марципана.

Сам хозяин кабинета тем временем шагнул к двери. Он приоткрыл её ровно настолько, чтобы убедиться: пушистый нарушитель границ всё ещё топчется в коридоре, не оставляя надежд отвоевать человеческую территорию.

Марципан сидел в трёх шагах от порога. Даже из своего кресла Алиса видела его надменную кремовую спину и хвост, идеально ровно обёрнутый вокруг лап. Кот выглядел воплощением невинности. И это невероятно раздражало.

— Он там? — спросила Алиса. Голос прозвучал чуть хрипло, и она намеренно не стала поворачивать голову.

— Там, — эхом отозвался Максим. Он понаблюдал за животным ещё пару секунд. — И, судя по выражению морды, искренне считает себя жертвой вопиющей несправедливости.

— Передайте, что мне очень жаль ранить его чувства. Максим плавно закрыл дверь.

— Я выражу ему ваши соболезнования.

Он заново проверил замок. На этот раз его движения были медленнее, вдумчивее. Словно не доверяя собственному изобретению, он нажал на латунную пластину у косяка. Внутри стены, с едва слышным металлическим вздохом, одна за другой встали на место скрытые шестерёнки. Алиса поймала себя на том, что следит за его руками гораздо внимательнее, чем следовало бы.

— Вы всё-таки уверены, что этот замок работает? — спросила она, когда Максим наконец обернулся.

— До сегодняшнего дня не сомневался.

— Значит, сегодняшний день оказался... значимым?

— Для вас — в особенности.

— Знаете, я бы не назвала попытку задохнуться отличным жизненным опытом.

— А я бы не стал назначать Марципана виновным, пока досконально не пойму, что именно здесь происходит.

Фраза была брошена спокойно, почти вскользь, но Алиса

почувствовала, как вдоль позвоночника скользнул неприятный холодок.

— Вы опять за своё. Говорите так, словно знаете больше, чем произносите вслух.

Максим несколько секунд молча изучал её, а затем отвернулся к столу.

Казалось, среди чертежей, латунных деталей и разбросанных инструментов он чувствовал себя в абсолютной безопасности.

— Я говорю так, потому что терпеть не могу делать выводы раньше времени, — ответил он, перебирая пальцами тонкие пластины. Металл тихо звякнул. — Особенно когда эти выводы могут стоить слишком дорого.

— Очень удобная позиция.

— Как правило — да.

— Можно сохранять интригу, прикрываясь банальной осторожностью.

Он едва заметно усмехнулся.

— Знаете, Алиса, я всё больше убеждаюсь: вы совершенно не умеете оставлять людей в покое.

— Только тех, кто намеренно говорит загадками.

— Тогда нам стоило познакомиться в менее загадочный день.

— А вы могли бы начать с простого: почему на шерсти вашего кота светилось то, чего в природе не существует?

Максим прекратил работу. Металлические детали в его

руках перестали звенеть. Он поднял глаза.

— А вы часто видите то, чего в природе не существует?

Вопрос прозвучал легко, бархатно, но Алиса без труда считала двойное дно. О, она прекрасно знала эту игру. В доме Озерских вопросы никогда не задавали просто ради того, чтобы услышать ответ. Вопрос всегда был ловушкой.

— Вы отвечаете вопросом на вопрос, — ровно произнесла она, собирая волю в кулак.

— А вы вновь это заметили.

— Невелика заслуга, когда человек использует один и тот же трюк трижды за десять минут.

— Тогда я, должно быть, теряю форму.

Алиса набрала в грудь воздуха для колкой ответной реплики, но из-за двери донёсся тихий, настойчивый скрежет. Марципан. Даже сквозь толстое дерево было ясно: кот не сдался.

Её пальцы сами собой впились в подлокотники кресла. Суставы побелели. Алису накрыла волна жгучего стыда за собственную реакцию. Она не привыкла бояться. Точнее, не привыкла бояться настолько явно. Всю жизнь Серафима вбивала в неё железное правило: страх — это физиология, но его демонстрация — это слабость, непозволительная роскошь.

— Он не войдёт, — полушёпотом произнёс Максим, безошибочно проследив за её взглядом.

— Вы говорили то же самое пару минут назад.

— Я усилил механизм.

— И мне должно стать лёгче?

— В идеале.

Алиса выдохнула и отвернулась к камину. Ей вдруг стало неловко в своём теле. Красные от аллергии глаза, прилипшие ко лбу влажные волосы, слабость в коленях... И, что хуже всего, Максим видел её именно такой — растрёпанной, уязвимой, потерявшей своё идеальное лицо, которое она годами училась держать перед миром.

Она нервно провела ладонями по ткани брюк, стряхивая несуществующую пыль. Максим сделал шаг в её сторону, но остановился ровно на той черте, где его присутствие ещё не казалось вторжением.

— Если вам хуже, я вызову врача.

— Не нужно.

— Уверены?

— Если бы сомневалась, я бы сказала.

Бровь Максима иронично изогнулась.

— Вот в этом я как раз сильно сомневаюсь.

— Мы знакомы меньше часа. Вы уже берётесь оценивать мою адекватность?

— Мы знакомы меньше часа, а вы, будучи аллергиком, уже успели пойти на таран кошачьего батальона. У меня есть определённые основания. Алиса так выразительно поджала губы, что любой другой мужчина уже извинился бы и вышел вон.

Максим лишь мягко улыбнулся.

— Вы невероятно раздражающий человек, — процедила она.

— Мне сегодня везёт на честные отзывы.

— Вам стоит повесить их в рамочку у входа.

— Рядом с правилами посещения?

— Вместо них.

— Хорошо. Первым пунктом напишем: «Не спорьте с владельцем».

Она открыла рот, чтобы парировать, и в этот самый момент её ударило.

Сначала это было лишь робкое, щекочущее тепло на кончиках пальцев. Алиса попыталась его проигнорировать. Но спустя секунду тепло превратилось в покалывание, а затем в пульсирующий жар.

Она сразу поняла, что началось.

Нет. Только не сейчас. Господи, пожалуйста.

Пальцы едва заметно подрагивали.

Кожа казалась бледной и обычной, но под ней уже закипала энергия — до боли знакомая, слишком опасная. Алиса сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

Спокойно. Дыши. Просто успокойся.

В голове прозвучал голос Серафимы: «Никогда не позволяй дару обгонять мысль. Эмоции — это хаос. Творения хаоса несут разрушение».

Медленный вдох. Ещё один.

Максим стоял совсем рядом, но, хвала небесам, смотрел на свои чертежи. Алиса сосредоточилась на огне, на мерном движении медного маятника часов, заставляя себя держаться за эти простые, осязаемые вещи и не выпадать из реальности.

Тщетно.

Покалывание переросло в жжение. Внутри всё скрутило от гремучей смеси стыда, тревоги и... чего-то ещё. Чего-то, в чём Алиса наотрез отказывалась себе признаваться: присутствие этого мужчины с его спокойным голосом, выверенными движениями и проницательными глазами выбивало у неё почву из-под ног. Это было совсем не вовремя. И от этого контроль утекал сквозь пальцы, как вода.

— Алиса, вы точно в порядке? — Голос Максима вернул её к происходящему.

— Да. В норме, — быстро выпалила она.

Он прищурился.

— Вы отвратительно врёте.

— А у вас проблемы с пониманием слова «норма».

— Всё может быть.

Жар в ладонях достиг критической точки. Инстинкт самосохранения заставил Алису разжать кулаки — и это стало роковой ошибкой.

Пространство между её руками разорвала беззвучная вспышка. Мягкий, молочно-белый свет залил кресло. Алиса невольно отшатнулась.

В эпицентре свечения, прямо в воздухе над её ладонями, начало что-то сгущаться. Сначала призрачный контур. Затем плотность, цвет. Наконец, законы физики вступили в свои права, и предмет обрёл вес, мягко опустившись на её кожу.

На ладони Алисы сидел кот.

Небольшая, размером с кофейную чашку, фарфоровая статуэтка. Ослепительно белая, с тончайшей золотой вязью на острых ушах и кончике хвоста. Выражение фарфоровой морды было настолько высокомерным и презрительным, что Алиса узнала в нём Марципана.

В кабинете стало тихо. Теперь девушка различала тиканье часов. Она смотрела на плоды своего творения, и кровь стыла в жилах.

Спонтанная материализация.

Строжайшее табу. Нарушение главного закона гильдии. Рядом с посторонним. Рядом с человеком, который и без того вызывает подозрения.

Она с трудом, словно во сне, подняла глаза на Максима.

Он встретил случившееся с пугающим спокойствием: не отпрянул, не побледнел и, что было страннее всего, не задал идиотского вопроса: «Что это было?» Именно это хладнокровие и насторожило Алису.

— Я... я могу всё объяснить, — пролепетала она, понимая всю жалкую несостоятельность этой лжи.

Максим взглянул на фарфоровую статуэтку, затем по-

смотрел ей в глаза.

— Это было бы невероятно интересно, — произнёс он так, будто речь шла о прогнозе погоды.

Алиса судорожно моргнула.

— Так даже интереснее, — добавил он, наблюдая, как рушится её идеальный фасад.

Её пальцы судорожно сомкнулись на фигурке.

— Вы ничего не видели.

Максим указал подбородком на её руки.

— Очень убедительная версия.

— Мне она нравится.

— Тогда не смею портить вам иллюзию.

— Отлично. Мы договорились.

— Не совсем.

Алиса напряглась.

— Что значит «не совсем»?

Он протянул руку ладонью вверх.

— Дайте посмотреть.

Она прижала холодный фарфор к груди.

— Нет.

— Почему?

— Потому что это моё.

— Полминуты назад этого не существовало в природе.

— Тем более!

На губах Максима промелькнула тень улыбки.

— Ваша логика восхищает своей безумной последова-

тельностью.

— Спасибо.

— Это не было комплиментом.

— Я всё равно приму.

Они сцепились в немой схватке — тяжело, почти не мигая, никто не собирался уступить.

Алиса понимала, что выглядит глупо, но отдать фигурку означало сдать себя с потрохами. Материализация — это не просто фокус из шляпы. Она оставляет след. Энергетический оттиск. Человек, умеющий смотреть, прочитает по этой безделушке всю её суть, её страхи, её уровень силы.

— Боитесь, что я его разобью? — спросил Максим, читая её мысли как открытую книгу.

— Боюсь, что вы сунете нос не в своё дело.

— Исчерпывающе.

— Тогда вопрос закрыт.

— Алиса.

Алиса резко вскинула на него глаза. Он впервые назвал её по имени. Откуда вообще узнал? Она сама бросила его в коридоре, в пылу паники? Наверное. Но то, как оно прозвучало из его уст... Мягко, веско, точно имя пробовали на вкус.

— Что? — огрызнулась она, злясь на собственное сердцебиение.

Максим кивнул на сжатые кулаки.

— Если бы я хотел создать вам проблемы, я бы задавал совершенно другие вопросы.

— Например?

— Например, почему девушка, которая старательно притворяется, что ничего не смыслит в артефактах, только что осуществила идеальную, спонтанную материализацию.

Слово повисло в воздухе, эдак выстрел.

Материализация.

Простые смертные не знают этого термина. Они говорят «фокус», «чудо», «магия». Максим произнёс это слово профессионально, чётко, как диагноз.

Алиса неспешно разжала руки и поставила фигурку на край стола. Дерево под фарфором тихо стукнуло.

— Повторите.

— Что именно?

— Последнее слово.

Его лицо неуловимо изменилось. Маска ироничного часовщика дала трещину.

— Материализация.

— Откуда вы его знаете?

Максим взял статуэтку. Алиса больше не сопротивлялась — игра перешла на другой уровень. Он ловко покрутил кота в длинных пальцах, провёл подушечкой большого пальца по гладкой спине, перевернул, изучая основание. Затем легко щёлкнул ногтем по боку. Кабинет огласил чистый, хрустальный звон.

— Идеальный фарфор, — констатировал он, будто разговаривая сам с собой.

— Я заметила.

— Ни единой микротрещины. Структура безупречна.

— Какое облегчение.

Максим вскинул глаза.

— Вы всегда выдаёте такое качество при выбросах?

— Я ничего не выдаю и не создаю! — огрызнулась она.

Он хмыкнул.

— Разумеется.

— Он мог стоять здесь раньше.

— На вашей ладони?

— Вы сами хвастались, что здесь полно скрытых механизмов.

— Тогда мне пора продавать билеты на свои шоу.

— Отличный стартап.

Максим ещё раз повертел кота.

— Уши немного асимметричны.

Алиса подалась вперёд.

— Что?

— Левое ухо. Доля миллиметра, но оно выше.

Она гневно уставилась на фигурку.

— Оно не выше!

— Выше.

— Вы издеваетесь надо мной?

— Пока нет, но идея мне нравится.

Алиса выхватила кота из его рук, поднесла к глазам. Идеально ровные. Почти. Чёрт возьми, левое и правда казалось

чуть-чуть... Она вскинула голову, вспыхнув от возмущения.

Максим откровенно улыбался.

— Вы невыносимы.

— А вы — материализатор, который готов драться за законы геометрии.

Слово опять ударило под дых.

— Не называйте меня так.

Улыбка исчезла с его лица так же быстро, как появилась. Максим опёрся обеими руками о стол и посмотрел на неё по-настоящему — без иронии, без защиты. Словно только сейчас за её колючими ответами разглядел пульсирующий, неприкрытый страх.

— Хорошо. — Голос его стал низким, успокаивающим.

— Больше не буду.

Алиса судорожно выдохнула. Напряжение спало, но не исчезло.

— А теперь скажите, откуда вы знаете терминологию.

Максим посмотрел на белого котика.

— Я же говорил. Я работал с механизмами.

— Вы сказали «механик» и «часовщик».

— Потому что людям так проще.

— Кому? Профанам?

— Всем.

Он тяжело вздохнул и выпрямился, убирая руки в карманы брюк.

— В прошлом я имел прямое отношение к созданию ар-

тефактов.

Алиса будто бы приросла к месту. Подозревать — это одно. Услышать признание из первых уст — совсем другое.

— Какое именно?

— Достаточное, чтобы с закрытыми глазами отличить фокус от материализации.

— Это уход от ответа.

— Другого сегодня не предвидится.

Раздражение вспыхнуло с новой силой.

— Почему?

Максим посмотрел на неё. В его глазах вдруг опустилась невидимая стальная заслонка. Дверь закрылась, и на этот раз — без всяких шестерёнок.

— Потому что мы знакомы меньше часа, Алиса.

Она прикусила губу и отвела взгляд. Крыть было нечем. И от этого злилась она ещё больше.

— Тогда с какой стати я должна вам доверять? — бросила она вызов.

Максим не спешил с ответом. Он аккуратно взял фарфоровую статуэтку из её ослабевших пальцев и поставил на стол — ровно посередине между ними.

— Не должны.

Алиса растерялась.

— Что?

— Вы не обязаны мне доверять только из-за того, что я дал вам ингалятор. Доверие не выдают авансом за красивые

глаза, тем более в нашем мире.

Его прямота обезоруживала. Максим продолжил, чеканя каждое слово:

— Но одно я вам обещаю. О том, что произошло в этой комнате, от меня не узнаёт ни одна живая душа.

— Вот так просто?

— Просто так.

— Вы даже не попытаетесь выпытать, почему мне запрещено использовать дар?

— Попытаюсь ли я? Нет. Хочу ли узнать? Безумно.

— Но не спросите.

— Нет.

Алиса сузила глаза. Серафима учила её: бесплатный сыр бывает только в мышеловке гильдии. За любым «просто так» кроется долг, услуга, крючок на будущее. Но Максим ничего не просил. Эта его неправильность сбивала её с толку.

— Вы очень странный человек, — вынесла вердикт Алиса.

— Сегодня мне бросали обвинения и похуже.

— Я?

— Нет. — Он вновь ослепительно, искренне улыбнулся, и её мысли опять сбились в кучу. — От вас я заслужил лишь звание «раздражающего».

— День ещё не кончился, — хмыкнула она, чувствуя, как внутри распускается что-то похожее на тепло.

Она протянула руку к столу.

— Я забираю его.

Ладонь Максима легла поверх статуэтки.

— Исключено.

Алиса поперхнулась воздухом.

— Простите?

— Он останется здесь.

— Это мой кот!

— Ваш кот дежурит в коридоре и разрабатывает план захвата кабинета.

— Очень смешно. Я серьёзно.

Максим посерьёзnel.

— Я тоже. Я хочу его изучить.

— Вы дали слово не задавать вопросов!

— Я дал слово молчать. Это разные статьи договора.

— Как виртуозно вы жонглируете обещаниями.

— Издержки профессии.

— Артефакторской?

Повисла пауза.

— Возможно, — глухо отозвался он.

Алиса посмотрела на белую фигурку. Оставлять её было безумием. Улику нужно уничтожить. Но интуиция шептала: Максим может увидеть в этой гладкой поверхности то, что недоступно ей. Свечение на шерсти Марципана, её внезапный срыв — пазл складывался в картину, которую она пока не могла разобрать.

— Один день, — отрезала она.

Максим вздёрнул бровь.

— Что?

— Кот остаётся у вас ровно на сутки.

— Вы торгуетесь за вещь, которой десять минут назад не было в реальности?

— Я диктую условия.

— Семейная черта?

Он не стал копать глубже, хотя явно прочитал её жёсткую хватку.

— Хорошо. Сутки.

— И вы его не повредите.

— А смысл тогда его изучать?

Алиса закатила глаза.

— Никаких необратимых разрушений.

— Принято.

— И никто его не увидит.

— Клянусь.

Она протянула руку раскрытой ладонью.

Максим озадаченно посмотрел на её тонкие пальцы.

— Хотите закрепить пакт кровью? То есть, рукопожатием?

— Бойтесь заразиться?

— После сегодняшнего перформанса я вообще опасаясь трогать вещи, которые возникают рядом с вами.

Алиса не выдержала и рассмеялась. Искренне, звонко. Кашель не вернулся. Грудь дышала свободно. Только сейчас

она осознала, что приступ прошёл бесследно.

Глаза Макса потеплели, и он вложил свою ладонь в её руку.

— Один день, Алиса.

— Один день.

Его рука была сухой, горячей и сильной. Рукопожатие длилось секунду, но ток, прошивший её пальцы, казался вполне материальным. Алиса отдернула руку первой.

— Мне пора. — Она потянулась за сумкой.

— Провожу.

— Я найду выход.

— Там дикие звери.

Алиса усмехнулась.

— Аргумент.

Максим взял фарфоровую статуэтку и поставил на массивную полку, прямо между старинным фолиантом и сложным латунным секстантом. Белый кот смотрелся там чужеродно, но удивительно уместно — как неотъемлемая часть этого кабинета.

Они вышли в коридор. Марципана у порога не оказалось. Максим нахмурился, сканируя полумрак.

— Будем считать это хорошим знаком, — заметила Алиса.

— С этим котом хорошие знаки часто оказываются засадой.

Он повёл её не через главный зал, а узким служебным ко-

ридором, пропахшим старой бумагой и машинным маслом. У самой двери на улицу Алиса накинула плащ. Дождь почти закончился, превратившись в мелкую, висящую в воздухе морось. Серого зонта нигде не было.

Максим толкнул тяжёлую дверь, впуская внутрь запах озона и мокрого асфальта.

— Вы точно доберётесь?

— Абсолютно.

Он прищурился.

— Вы сейчас не врёте?

— В виде исключения.

— Грандиозный прогресс.

Алиса шагнула за порог, но на секунду обернулась.

— Максим.

— Слушаю.

— Если вы нарушите слово... я узнаю. И пожалеете.

Он мягко улыбнулся, прислонившись плечом к косяку.

— Угрожаете?

— Предупреждаю.

— В таком случае, я приложу все усилия, чтобы не испортить наше доброе начало.

— Его пока нет.

— Значит, мне нечего терять.

Алиса покачала головой, отвернулась и зашагала прочь. Влажный холодный ветер Питера хлестнул по лицу, выдувая остатки тревоги. Удивительно, но она чувствовала себя

абсолютно здоровой. Спустя десяток метров она, повинувшись странному импульсу, оглянулась.

Максим стоял на том же месте. Он не помахал ей, не крикнул вслед, лишь едва заметно кивнул и шагнул в темноту прихожей.

Дверь за ним закрылась.

Алиса не могла знать, что, вернувшись внутрь, Максим не пошёл в кабинет. Он свернул к лестнице.

Марципан нашёлся на третьей ступеньке. Кот меланхолично вылизывал лапу, всем своим видом демонстрируя тотальную скуку, будто не он час назад штурмовал запертую дверь.

Максим опустил перед ним на корточки.

— Ну? И что это был за спектакль?

Кот перестал умыться, процедил сквозь полуприкрытые жёлтые щёлки чистейшее презрение и демонстративно показал ему пушистый затылок.

— Очень информативно.

Максим протянул руку и с нажимом провёл ладонью по кремовой спине.

Кожа на кончиках пальцев обожгло резким покалыванием.

В полумраке лестничной клетки на его руке вспыхнула золотистая пыль. На этот раз это не было игрой света или галлюцинацией. Свечение было ярким, пульсирующим. Оно продержалось ровно секунду, прежде чем раствориться в

воздухе, оставив после себя запах озона.

Лицо Максима окаменело.

Он неторопливо выпрямился. Шаги, которыми он возвращался в кабинет, были быстрыми и жёсткими.

Войдя, Максим напрямик подошёл к полке, снял фарфорового кота и поднёс к глазам, а затем осторожно вернул статуэтку на место, между старинным фолиантом и латунным секстантом. Вспомнив, как строго Алиса потребовала не повредить фигурку, он отодвинул её подальше от края и лишь тогда убрал руку.

ГЛАВА 4. ЗА ЗАКРЫТЫМИ ДВЕРЯМИ

Дождь почти прекратился, оставив после себя ту особую петербургскую сырость, когда улицы кажутся темнее обычного, а свет из окон старинных особняков ложится на мокрый асфальт длинными слитками золота.

Алиса стояла перед тяжёлыми коваными воротами. Холодный ветер уже пробрался под воротник плаща, влажные пряди липли к щекам, но она не спешила тянуться к латунной ручке. Ещё полчаса назад мечтала лишь о том, чтобы оказаться в тепле, сбросить насквозь промокшие туфли, забраться с ногами в кресло и забыть обо всём на свете. Но сейчас, глядя на безупречно освещённый фасад фамильного дома Озерских, поймала себя на совершенно детском порыве: развернуться и сбежать.

И она слишком хорошо знала, куда именно.

Эта мысль ударила её током. Алиса сердито тряхнула головой и толкнула калитку.

Ещё не хватало возвращаться к мужчине, которого она знала меньше часа. К человеку, который спас её от удушья, вывел из себя, вытащил наружу секреты, которые ему знать не полагалось, присвоил материализованного ею фарфорового кота и не рассказал о себе ровным счётом ничего.

Больше всего раздражало то, что именно этот последний факт не давал ей покоя.

Максим Громов.

Имя пульсировало в висках всю дорогу по вымощенной дорожке. Алиса злилась на себя за то, как намертво оно въелось в память. Ей совершенно не нравилось, что в деталях запомнились его руки — длинные, уверенные пальцы, поворачивающие ключ в механическом камине. Помнит небрежные складки на закатанных рукавах тёмной рубашки. Помнит его мимолётную, дразнящую улыбку, которую он словно держал на коротком поводке, позволяя ей мелькнуть лишь на секунду. И уж совсем нелепым было то, как в ушах до сих пор звучал его голос. Тот самый момент, когда он произнёс её имя.

Но хуже всего было другое. Рядом с ним, в пропахшем корицей и старыми тайнами кафе, она больше не чувствовала себя должной.

Она была просто девчонкой, промокшей под дождём. Девчонкой, которая по глупости забрела в котокафе, едва не заработала анафилактический шок и случайно создала из пустоты фарфоровую статуэтку. Ничего особенного.

Алиса невесело усмехнулась своей мысли.

Тяжёлая дубовая дверь распахнулась прежде, чем она успела достать ключи.

— Алиса Сергеевна, да вы насквозь мокрая! Плащ давай-те.

Мария Павловна помогла ей высвободить руку из прилипшего рукава и потрогала ткань на плече.

— И туфли снимайте. Я полотенце принесу.

— Спасибо. Только бабушке не говорите.

— Она сама увидит. Я вам сколько раз говорила: в такую погоду...

— Знаю. Пожалуйста, хоть вы сейчас не ругайте.

Алиса благодарно улыбнулась экономке, но улыбка угасла, стоило ей поднять глаза и оглядеть знакомый холл.

После хаоса «Кошкиной лавки» собственный дом казался декорациями к фильму. Здесь было тепло, но это тепло предназначалось для сохранности антиквариата, а не для живых людей. Высокие своды с идеальной лепниной, холодный мрамор, строгие портреты предков в массивных рамах — дом дышал абсолютным, мёртвым совершенством. Иногда Алисе хотелось швырнуть на диван раскрытую книгу или сдвинуть вазу, просто чтобы доказать: в этом музее ещё кто-то дышит.

В котакафе кресла стояли вразнобой, на стойке валялись бумаги, а рыжий кот дрых на подоконнике, плевать хотел на законы композиции. Здесь же даже свежие лилии, казалось, выстроились по стойке смирно.

Алиса медленно стянула влажные перчатки. Ей до одури захотелось обратно, в запах кофе и корицы.

— Ты, наконец, вернулась.

Холодный, властный голос разрезал тишину холла.

Серафима Львовна застыла в дверях малой гостиной.

Тёмно-зелёное платье в пол, безукоризненная укладка седых волос, тяжёлый кулон на тонкой золотой цепи. В свои годы она обладала той сокрушительной, хищной красотой, которая не зависит от возраста. Она держалась на осанке и абсолютном праве владеть любым пространством, в котором она находилась.

— Как видишь. — Алиса наклонилась, расстёгивая ремешок туфли. — Петербург пытался меня утопить, но я оказалась упрямее.

Серафима открыла рот для дежурной реплики, но вдруг осеклась. Что-то в лице внучки насторожило её, она приблизилась.

Алиса внутренне подобралась. Заметила.

— Что с твоими глазами? — Вопрос прозвучал хлётко, как выстрел.

— Ничего.

Серафима шагнула ближе. Не спрашивая позволения, она взяла Алису за подбородок, поворачивая её лицо к свету бра.

— Они воспалены.

— У меня в комнате есть зеркало, я в курсе.

— Алиса. — В голосе бабушки зазвенел металл. Тот самый, против которого у Алисы до сих пор не было иммунитета.

— Я зашла в место, где были кошки, — бросила девушка с деланной небрежностью. — Ничего страшного. Приступ уже купирован.

Пальцы Серафимы дрогнули и замерли на щеке внучки.

— Кошки?

— Я вроде бы говорю по-русски.

— Где?

— Бабушка, всё обошлось.

— Я. Спросила. Где.

Алиса осеклась. Властная маска Серафимы вдруг дала трещину. Лицо пожилой женщины побледнело — едва заметно, но для Алисы это было сродни землетрясению. Пальцы бабушки соскользнули с её лица и судорожно вцепились в ткань собственного платья.

— В кафе, — осторожно ответила Алиса.

— В каком?

— В обычном.

— Не заставляй меня клещами тянуть из тебя каждое слово, пожалуйста!

Это внезапное «пожалуйста» насторожило девушку куда сильнее приказов.

— Котокафе на Васильевском, — сказала она, внимательно следя за реакцией бабушки.

— Пережидала ливень.

(О человеке с серым зонтом она благоразумно умолчала).

— Котокафе, — выдохнула Серафима. Она закрыла глаза и потёрла переносицу, будто пытаясь унять внезапно накатившую головную боль.

— Боже, Алиса, о чём ты думала?

В её голосе больше не было властности. Только первобытный, голый страх. Этот страх заставил Алису смягчиться.

— Мне нужно было укрыться от дождя, — сдержанно ответила она. — Я думала, что пробуду там от силы пару минут.

— Ты с пелёнок знаешь, чем это может закончиться!

— Знаю.

— Тогда почему?!

Серафима перехватила её руки. Ладони оказались холодными, а хватка — непривычно крепкой.

— Посмотри на меня. — Алиса мягко сжала её пальцы.

— Я здесь. Со мной всё хорошо.

— Сейчас — да.

— И завтра будет да. Я знаю свой организм.

Серафима вскинула на неё потемневшие глаза.

— Нет, Алиса. Не всегда.

Ответ прозвучал как приговор. Девушка нахмурилась, но бабушка уже отвернулась, явно пожалев о сказанном.

— Когда ты была ребёнком, один из твоих срывов едва не стоил тебе жизни, — произнесла Серафима, возвращая голосу прежнюю холодность, хоть он и слегка дрожал. — Ты забыла. А я помню каждую секунду той ночи. И не намерена проходить через это дважды.

Алиса помнила ту ночь лишь как смазанный кошмар. Чувство вины неприятно кольнуло где-то под рёбрами.

— Я поняла. — Она примирительно коснулась плеча ба-

бушки. — Я туда не вернусь.

Она произнесла это подчёркнуто легко — только бы стереть с лица бабки эту страшную, нечеловеческую пустоту.

Но перед глазами тут же вспыхнул образ: Максим, стоящий в дверях кафе, окутанный мягким светом. Алиса поспешно отвела глаза.

— Это обещание? — припечатала бабушка.

— Торжественно клянусь избегать помещений с концентрацией шерсти выше нормы.

— Я не шучу, Алиса.

— Я тоже.

Серафима буравила её взглядом ещё несколько долгих секунд, сканируя на предмет лжи, а затем коротко кивнула.

— Иди в свою комнату. Ужин через сорок минут.

Алиса уже занесла ногу над первой ступенькой парадной лестницы, когда до неё дошёл смысл сказанного. Она обернулась. Лицо бабушки было подозрительно непроницаемым.

— Ужин? Кто-то придёт?

— Гости.

— Имена у гостей есть?

Серафима неторопливо поправила золотой браслет на запястье.

— Воронцовы.

Алиса глухо застонала и закрыла лицо руками.

— Ну разумеется.

Сорок пять минут спустя Алиса спускалась по лестнице. На ней было глухое тёмно-синее платье, а на лице — выражение обречённой готовности, с которым аристократы взойдут на эшафот. Глаза почти пришли в норму. Волосы она назло оставила распущенными, зная, как Серафима ненавидит «небрежность». Хоть какой-то протест.

Из столовой доносились приглушённые голоса. Бабушка, дядя Аркадий Петрович и ещё один — бархатный, уверенный, до зубовного скрежета правильный. Даниил.

Алиса притормозила у огромного антикварного зеркала. — Всего один ужин, — прошептала она своему отражению. — Ты пережила встречу с Марципаном, переживёшь и Воронцовых.

— Я должен оскорбиться, что ты поставила меня в один ряд с кондитерским изделием?

Алиса обернулась.

Даниил Воронцов стоял в паре метров от неё, прислонившись плечом к дверному косяку. Если бы дьявол носил Prada, Даниил бы шил для него костюмы. Высокий, темно-волосый, с серыми глазами и мягкой улыбкой — живое воплощение мечты любой матери.

Его было бы так легко ненавидеть, окажись он самовлюблённым кретином. Но Даниил, к её глубокому сожалению, был умен.

— Давно подслушиваешь? — Алиса изогнула бровь.

— Достаточно, чтобы понять, что ты репетируешь речь

для зеркала. — Он тихо рассмеялся и шагнул ближе. — Уйти было бы дурным тоном.

— Твои манеры тебя когда-нибудь прикончат.

— Мне часто это обещают.

Он протянул руку.

— Я правда рад тебя видеть.

Алиса посмотрела на его широкую ладонь и, сдавшись, вложила в неё свою.

— А вот это откровенная ложь.

— Почему же?

— Потому что мы оба знаем, зачем нас сегодня собрали за этим столом.

Даниил не отпустил её руку. Напротив, его пальцы чуть крепче сжали её ладонь.

— Если тебе от этого станет лёгче, — заговорщицки понизил голос он, — моя мать три дня выбирала галстук, который должен был сразить тебя наповал. Алиса невольно отметила тёмный блеск его шёлка.

— И?

— Я назло надел другой.

Она не сдержалась и фыркнула.

— Ладно. За это я буду ненавидеть тебя процентов на десять меньше.

— Роскошный аванс на вечер.

Даниил предложил ей локоть, и они вместе шагнули в столовую.

Сцена была выстроена идеально. Серафима во главе стола. Воронцовы-старшие справа, Аркадий Петрович слева. А для них с Даниилом, естественно, оставили два стула в опасной близости друг от друга. Алиса остановилась у своего места и криво, насмешливо усмехнулась прямо в лицо бабушке.

Серафима ответила ей полным игнорированием, грациозно расправляя льняную салфетку.

Первые двадцать минут прошли как по нотам. Погода, выставка в Эрмитаже, реконструкция центра, благотворительный фонд. Алиса даже расслабилась. Особенно когда Даниил, наклонившись к самому её уху, шепнул:

— Только не оборачивайся. Моя мать уже второй раз прикидывает, как мы будем смотреться на свадебных фотографиях.

Алиса тут же обернулась. Госпожа Воронцова с панической скоростью уткнулась в свой салат. Алиса до боли прикусила губу, сдерживая смех.

— Я же просил, — простонал Даниил, пряча улыбку за бокалом.

— Именно поэтому я и посмотрела.

На секунду ей показалось, что они смогут пережить этот вечер. А потом Аркадий Петрович отложил вилку и откашлялся. По столовой разлилось тяжёлое ожидание.

— Вы посмотрите, что с молодыми происходит, — заговорил Аркадий Петрович. — С каждым поколением дар сла-

бее. Скоро и передавать будет нечего.

— За Воронцовых прошу не беспокоиться, — отозвался отец Даниила.

Аркадий повернул к нему бокал.

— Я говорю в целом.

— А прозвучало иначе.

— Господа, — произнесла Серафима.

Оба замолчали. Алиса положила вилку.

— Продолжайте. Мы с Даниилом как раз сидим достаточно близко, чтобы решить проблему.

Госпожа Воронцова поспешно улыбнулась.

— Алисочка, ну зачем ты так? Никто ничего от вас не требует.

— Тогда можно я пересяду?

Улыбка осталась на месте. Воронцова посмотрела на Серафиму.

— Ты прекрасно понимаешь, о чём речь, — сказала бабушка.

— Понимаю. Поэтому и спрашиваю.

Даниил расправлял салфетку на коленях. Один и тот же угол, уже несколько раз.

— Союзы всегда заключались с учётом интересов рода, — вмешался Аркадий. — В этом нет ничего...

— Моего? — подсказала Алиса.

— Предосудительного. Дай мне закончить.

— Аркадий, довольно, — сказала Серафима. Затем по-

вернулась к внучке: — От тебя требуется познакомиться с Даниилом ближе. Пока только это.

— Мы знакомы.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Знаю. Но ты почему-то не хочешь это произнести.

— Может быть, поедим? — предложила госпожа Воронцова. — Всё остывает.

— Прекрасная мысль, — сказала Алиса. — Давайте поедим, а моих будущих детей обсудим как-нибудь без меня. Вам так привычнее.

— Алиса.

Она посмотрела на бабушку.

— Что? Опять не те слова?

Серафима положила ладони на стол.

— Ты можешь сердиться. Оскорблять гостей я тебе не позволю.

Алиса перевела взгляд на Даниила. Он поднял глаза, но ничего не сказал.

— Я не его оскорбляю.

— Тогда перестань вести себя так, словно семья желает тебе зла.

Несколько секунд Алиса смотрела на бабушкины руки.

— Я хочу сама решить, за кого выходить замуж. Почему для этого мне каждый раз приходится с вами ссориться?

— Потому что ты не желаешь слышать ничего, кроме собственных желаний, — ответила Серафима.

Алиса отодвинула стул.

— Слышать я вас научилась давно.

— Мы не закончили.

— Прошу меня извинить. Я неважно себя чувствую.

Серафима не сказала ни слова. Алиса развернулась и вышла из столовой, чувствуя, как десятки глаз прожигают спину. Только оказавшись в пустом коридоре, она привалилась к стене и судорожно выдохнула. Ей хотелось возненавидеть Даниила. Это решило бы половину проблем. Но он не сделал ничего плохого. Он понимал её. И это бесило почти так же, как его чёртов идеальный галстук.

Сон не шёл.

Алиса ворочалась в огромной постели, глядя в высокий потолок, расписанный тенями. Когда она закрывала глаза, перед ней возникало лицо. И это определённо было не то лицо, о котором приличной наследнице рода Озерских следовало думать после знакомства с идеальным женихом.

Максим.

Перед глазами стояли его руки, бережно держащие фарфоровую фигурку. То, как изменилось его лицо, когда он увидел свечение вокруг Марципана.

Алиса со стоном натянула одеяло на голову.

— Хватит.

Мозг, разумеется, проигнорировал команду. *Что он сейчас делает с этим котом? Изучает? Расколотил, чтобы про-

верить структуру? Или просто закинул на полку и забыл?*

Последняя мысль царапнула так больно, что Алиса рывком села на кровати.

— Это просто кусок фарфора, — сообщила она темноте.
— Мне плевать.

Она отшвырнула одеяло. Если спать не суждено, можно хотя бы спуститься в библиотеку за книгой.

Ночью особняк менялся. Без суеты прислуги и дневного света он окончательно превращался в склеп. Луна бросала на мраморный пол холодные, вытянутые квадраты света. Предки с портретов смотрели в спину осуждающе. Тиканье часов разносилось эхом, напоминая, чьё время на самом деле течёт в этих стенах.

Алиса почти бесшумно спускалась на первый этаж. До библиотеки оставалось всего несколько метров, когда она услышала голоса.

Они доносились из малого кабинета Серафимы. Полоска жёлтого света выбивалась из-под массивной дубовой двери. Алиса хотела пройти мимо — она ненавидела шпионить, — но тут до неё донёсся голос бабушки.

— ...она не должна была там оказаться!

Алиса побледнела. Ответил мужчина. Голос был низким, слова сливались в неразборчивый гул. Девушка сделала мягкий, кошачий шаг вперёд.

— Я сказала, что этого больше не повторится, — отчеканила Серафима.

В очередной раз мужской баритон. На этот раз Алиса смогла разобрать концовку фразы:

— ...Громова?

Сердце пропустило удар и сорвалось в бешеный галоп. Осторожно, боясь скрипа паркета, Алиса подобралась почти вплотную к двери.

— Сбавь тон! — зашипела бабушка.

Пауза. Алису охватило дикое, иррациональное чувство, будто Серафима смотрит прямо на неё сквозь дубовые панели. А затем мужчина заговорил вновь, тихо, почти шёпотом, от которого по спине пробежал мороз:

— Если он её узнал... это может стать огромной проблемой.

В кабинете скрипнуло кресло. Чьи-то тяжёлые шаги направились к двери.

Алиса метнулась за угол и вжалась в холодную стену, зажав рот рукой. Сердце колотилось так, что ей всерьёз казалось: сейчас её услышат.

По холлу прозвучали мужские шаги. Она осторожно высунулась из-за угла — лишь на дюйм. Успела заметить только широкую мужскую спину, скрывающуюся в тени лестницы.

Алиса осталась одна в темноте. О книге было забыто. На негнущихся ногах она вернулась в свою спальню, заперла дверь и сползла по ней на пол.

Если он её узнал, это может стать проблемой.

Они знали его. Серафима знала Максима Громова. И, су-

дя по ночным визитам и шёпоту за закрытыми дверями, знала куда лучше, чем Алисе хотелось бы.

Она медленно поднялась и подошла к окну, отдёрнув тяжёлую портьеру. Ночной Петербург тонул во мраке, лишь фонари бросали жёлтые блики на мокрый асфальт, а над крышами нависало тяжёлое, свинцовое небо.

Перед глазами с новой силой вспыхнул кабинет над кото- кафе. Чертежи на стенах. Механический камин. Мужчина, который даже не моргнул, когда из воздуха материализовался предмет. Как он произнёс слово *«материализация»*. Как наотрез отказался говорить о себе.

Всё, что ещё пару часов назад казалось забавным приключением, вдруг обросло опасными, тёмными тенями.

Алиса прижалась лбом к холодному стеклу. По логике вещей, она должна была испугаться. Должна была прямо сейчас побежать к Серафиме, во всём признаться и забыть дорогу на Васильевский остров навсегда. Забыть человека, одно имя которого заставляло её семью напрягаться.

Но вместо страха внутри разгоралось нечто совершенно иное. Яркое. Жгучее.

Любопытство.

И ещё одно чувство, гораздо более опасное, которому она пока не решалась дать имя. Вспомнив, как Максим смотрел на неё там, у камина, Алиса почувствовала, как губы сами собой растягиваются в улыбке.

Она тут же стёрла её с лица и закрыла глаза.

— Чёрт возьми, — выдохнула она в тишину спальни.

Из миллионов мужчин в этом городе её, кажется, угораздило заинтересоваться именно тем, чьё имя произносили в её доме только по ночам. И только шёпотом.

ГЛАВА 5. КОРОБКА СОРОК СЕМЬ

Утро началось со стеклянной ясности, которая всегда приходит после бессонной ночи.

Когда ты уже не чувствуешь усталости — только звенящее напряжение от мыслей, ходящих по кругу. Фраза, брошенная вчера за закрытой дверью, въелась в сознание и отказывалась исчезать.

«Если он её узнал, это может стать проблемой».

Громов. Максим Громов.

Теперь, даже произнесённое мысленно, это имя пульсировало двойным дном. Алиса сидела перед туалетным столиком, механически проводя щёткой по волосам. Смотреть на себя в зеркало она не решалась.

Вместо спальни она видела кабинет над «Кошкиной лавкой»: приглушённый свет, шестерёнки механического камин, развёрнутые чертежи. И мужчину, который с абсолютным спокойствием смотрел, как в её руках из ничего рождается вещь.

Он осторожно, почти бережно принял фарфорового кота. Поднимал на неё глаза, отвечал с лёгкой усмешкой, но за каждым его словом тянулся шлейф невысказанного. И сейчас это невысказанное сводило её с ума.

Расчёска с сухим стуком полетела на трюмо. Если семья знает Громова, значит, где-то есть след. А если след ведёт в дом Озерских, найти его — лишь вопрос времени.

Алиса вышла из комнаты, ведомая холодной решимостью. Семейный архив прятался в самом глухом крыле особняка, за мёртвой библиотекой и гостиной, укрытой чехлами. Это не было тайником в прямом смысле — просто тяжёлая двустворчатая дверь, капризный старинный замок и параноидальная привычка Озерских прятать свои секреты так, словно завтра за ними придёт инквизиция.

Ребёнком она обходила это место стороной. Сегодня оно казалось единственным честным уголком в доме.

Повернув ключ, девушка шагнула внутрь и замерла, давая глазам привыкнуть к полумраку. Воздух здесь был густым, пропитанным сургучом, старой бумагой и высохшим деревом. Вдоль стен высились стеллажи, забитые кожаными папками и плотными коробками.

Алиса сняла с полки тяжёлый том каталога. Фамилии индексировались по доисторической системе, придуманной кем-то из прадедов, что лишь подтверждало родовую черту Озерских: усложнять всё, что можно сделать просто.

Раздел артефакторов. Буква «Г». Палец скользнул по пожелтевшей бумаге и остановился.

«Громы. Артефакторская линия. Санкт-Петербург. Допуск к частным заказам семей высшей категории. Коробка 47».

Выдохнув, она направилась вглубь архива. Коробка под сорок седьмым номером оказалась неожиданно тяжёлой и покрытой такой бархатистой пылью, что стало ясно: её не касались годами. Засов поддался, крышка с глухим скрипом поднялась. В лицо пахнуло тленом. Внутри лежали ветхие копии контрактов, выцветшие снимки мастерских и регистрационные карты.

Пальцы методично перебирали бумаги, пока сердце не пропустило удар.

Громов Максим Андреевич.

Карточка была сухой и лаконичной. Дата рождения. Образование. Специализация. Уровень допуска. А в самом низу, в графе особых отметок, чужим убористым почерком значилось:

«Искра утрачена».

Алиса перечитала. Раз, другой. Для тех, кто работал с магией и артефактами, эти два слова звучали как приговор. Но она никогда не видела, чтобы их ставили напротив имени живого, дееспособного человека.

Рука потянулась к следующей папке — пустая. В другой обнаружилась лишь опись документов, которых внутри давно не было. Нахмурившись, она поднесла листок ближе к свету: в самом низу бледнел штамп об изъятии материалов. Ни даты, ни подписи — будто тот, кто вычищал архив, целенаправленно позаботился о том, чтобы не оставить ни единой зацепки.

Внутри всё сжалось от дурного предчувствия. Отчёты по заказам, проекты, всё, что связывало Громовых с Озерскими — исчезло. Кто-то тщательно выпотрошил архив задолго до её прихода.

Алиса незаметно опустилась на стул. Перед ней лежало dossier на человека, чьё имя её семья произносила шёпотом. Человека, который сейчас хранил у себя её материализацию. «Искра утрачена».

Перед глазами встали его руки. В них не было дрожи или слабости сломленного мага. Только хирургическая точность и уверенность. Максим не походил на того, кого покинула магия; он выглядел как тот, кто научился использовать её отсутствие как оружие.

Почему-то в груди разлилось странное, щемящее тепло.

Крышка коробки с глухим стуком захлопнулась. Не время думать о его руках. Особенно сейчас, когда эти самые руки держат вещь, которую ей ни при каких обстоятельствах не стоило оставлять у незнакомца.

Сделав пару снимков на телефон, она покинула архив. На пороге девушка обернулась. Эти стеллажи почему-то напоминали ей людей, среди которых та выросла.

Снаружи — безупречный фасад.

Внутри — зияющие пустоты.

К вечеру стены особняка начали душить. Серафима вошла на кухню, тётя уехала, а особняк словно насмеялся, скрывая куда больше тайн, чем казалось.

Накинув пальто, Алиса сбежала к Неве. Воздух после дождя казался хрустальным, а ветер с воды жалил щёки. Небо над Петербургом опустилось низко, смешивая синец и графит над шпилями, а редкие фонари уже истекали жёлтым светом в тёмную, тяжёлую воду.

Шаги отмеряли мостовую без всякой цели. Но стоило знакомой высокой фигуре вынырнуть из вечерней дымки, как мелькнула мысль: бессонница всё-таки свела с ума.

Он стоял у самого парапета, отрешённый от городской суеты, и смотрел вверх голов прохожих. Знакомая фигура выделялась в потоке людей. Алиса не сразу поверила, что город так легко столкнул их. Алиса замедлила шаг. Максим обернулся почти сразу, безошибочно уловив её присутствие в толпе.

Узнал — и его губы тронула лёгкая, тёплая полуулыбка. Едва заметная, но достаточная, чтобы пульс Алисы сбился с ритма.

— Вот это уже подозрительно, — произнесла она, подойдя ближе. Голос, к её чести, звучал безупречно ровно.

— Добрый вечер. Я тоже рад вас видеть. — Он чуть повернулся к ней, пряча руки в карманы.

— Вы всегда поджидаете малознакомых людей на набережной?

— Только тех, кто оставляет у меня фарфоровых котов. Алиса остановилась в шаге от него.

— Тогда это действительно рядовая ситуация.

Макс усмехнулся. Его взгляд задержался на её лице на долю секунды дольше, чем диктовали правила приличия.

— Вы гуляете? — спросил он.

— Представьте себе.

— И совершенно случайно именно здесь?

Она прищурилась:

— А вы?

Максим отвернулся к Неве, выигрывая несколько секунд перед ответом.

— Допустим, тоже гуляю.

— Плохо врёте.

Он почти беззвучно рассмеялся:

— Кажется, это становится нашей общей проблемой.

Ветер рванул полы её пальто, и Алиса зябко запахнулась. Мужчина дёрнулся, было件нятно, что он хотел помочь, но сдержал порыв. Некоторое время они молчали. И в этой паузе, под шум реки и редких машин, не было ни грамма неловкости. Лишь странное, электрическое осознание, что эта встреча не была случайной ни для одного из них.

— Вы изучили его? — наконец нарушила тишину Алиса.

— Кота?

— Нет, погоду над Петропавловской крепостью.

В уголке его рта мелькнула усмешка.

— Изучил.

— И?

Максим достал руку из кармана и устало провёл по воло-

сам, растрепав их ещё сильнее.

— Я не хотел говорить об этом на улице.

— Тогда зачем вы вообще здесь?

Он посмотрел на неё прямо, без уловок:

— Потому что думал, что вы можете прийти.

В этой простоте было больше силы, чем в любой изощрённой лжи.

— С чего вы взяли?

— После вчерашнего вы не похожи на человека, который пойдёт домой пить чай и всё забудет.

— Вы считаете, что успели меня узнать?

— Нет, — мягко ответил он. — Но кое-что я заметил. Например, что если вам сказать «не трогайте», вы обязательно спросите «почему».

Она невольно улыбнулась.

— Скромный список.

— Мы знакомы второй день. Дайте мне время.

Она повернулась к нему — и тут же пожалела об этом. Проклятый пульс снова ускорился, будто Максим имел над ним какую-то особенную власть. Алиса отвернулась, раздражённая тем, как легко он выбивал у неё почву из-под ног.

— Так что с фигуркой? — Голос как прежде стал деловым.

Максим посерьёзnel.

— В ней нет признаков преобразования.

— Совсем?

— Я проверял спектр трижды. — Он смотрел на тёмную воду, тщательно подбирая слова. — При материализации всегда остаётся след исходника. Что-то берётся за основу — пыль, воздух, органика — и меняет структуру. В вашем случае основы не было.

— Значит, ваши приборы ошиблись.

— Я бы многое отдал, чтобы это было так.

Пальцы Алисы сжались в кулаки.

— И что это значит?

Максим повернул к ней голову.

— Это значит, что кот создан из абсолютного ничто.

Слова повисли в холодном воздухе.

— Такого не бывает, — отрезала она.

— Бывает. Но это... — на его лице не осталось ни следа прежней лёгкости, — это аномальная редкость. Настолько большая, что я не готов делать выводы по одному образцу.

— Хотите сделать по двум?

Максим коротко улыбнулся:

— Вы быстро схватываете.

— Я не хочу ничего схватывать.

— Алиса...

То, как он произнёс её имя — не как чужой человек, а как кто-то, кто имеет на это право, — заставило её напрячься.

— Не называйте меня так.

Максим удивлённо приподнял брови:

— Как?

Она и сама не знала. Чересчур интимно? Непривычно мягко?

— Неважно, — буркнула она, отворачиваясь.

— Есть ещё кое-что. — Голос Макса стал тише. — На шерсти остался след.

Он достал крошечный стеклянный флакон. На дне лежало несколько кремовых ворсинок.

— Вы носите шерсть моего кота в кармане?

— Звучит как диагноз, согласен, — усмехнулся он, но тут же стал серьёзным. — След энергии странный. Я не могу разобрать, ваш он, кота или... чего-то ещё.

— Обожаю формулировку «что-то ещё». Очень успокаивает.

— Я не работаю психотерапевтом.

— Заметно.

Она покачала головой, пряча улыбку. Взгляд Максима согревал сильнее любого огня, смывая остатки напряжения. Он больше не прятался и не отступал. Молчание затянулось, густея с каждым ударом сердца, пока расстояние между ними не сократилось до электрического покалывания на коже.

Алисе вдруг захотелось узнать, о чём он сейчас думает. И тут же передумала.

— Я хочу предложить эксперимент, — наконец прервал тишину Макс.

— Нет.

— Я даже не сказал, какой.

— Экономлю наше время.

— Это очаровательно.

— Опять думаете, что знаете меня?

— Нет. — Он склонил голову к плечу. — Но эта черта характера мне уже нравится.

Девушка сглотнула.

— Что за эксперимент?

— В «Кошкиной лавке», после закрытия. Никаких посетителей. Только приборы. Сможете остановиться в любую секунду. Вы просто создадите что-то небольшое.

— Нет.

Он не стал спорить. Просто стоял и смотрел. Этот молчаливый прессинг раздражал сильнее любых уговоров.

— Не смотрите на меня так.

— Как?

— Как будто ждёте, что я сдамся.

— А я и жду.

— Невыносимая наглость.

— Всего лишь профессиональная выдержка.

Она отвернулась к реке. В памяти вспыхнула утренняя карточка. «Искра утрачена». Ей нужно было развернуться и уйти. Максим прятал свои секреты, её семья — свои. Было безумием доверять человеку, которого знаешь два дня. Но возвращаться в дом, полный лжи, хотелось ещё меньше.

— Я нашла вас в архиве, — бросила она, не поворачивая головы.

Улыбка стёрлась с лица Максима. Абсолютно.

— Что?

— В семейном архиве Озерских. Там есть досье на Гро-
мовых.

Таким растерянным она его ещё не видела. Он молчал несколько долгих секунд.

— Понятно.

— А мне — нет. Там было ваше имя. И приписка: «Искра утрачена».

Максим закрыл глаза. На его лице отразилась не паника, а глубокая, копившаяся годами усталость человека, чьи старые шрамы заново выставили на всеобщее обозрение.

— Решили не тянуть с приятными темами? — глухо спросил он.

— Решила перестать играть вслепую. Документы о вашей совместной работе с моей семьёй изъяты. Вы знали, что наши семьи работали вместе?

— Знал. — Он открыл глаза и посмотрел на неё в упор. — Но я не знал, что эта история выведет на вас.

— А теперь?

— А теперь я хочу разобраться. Поэтому и прошу об эксперименте.

Она смотрела на противоположный берег Петербурга. Город жил своей жизнью, не подозревая, что двое у парапета сейчас балансируют на грани миров.

— Один раз, — тихо сказала Алиса.

— Что?

— Я согласна на один эксперимент.

В его глазах мелькнуло торжество, которое он не успел спрятать.

— Не улыбайтесь.

— Я предельно серьёзен.

— У вас возмутительно довольное лицо.

— Это моя базовая комплектация.

— Она меня бесит.

— Вы уже упоминали.

Максим рассмеялся — искренне, глубоко, и Алиса поймала себя на том, что улыбается в ответ, осознавая, насколько опасным становится для неё этот смех.

— Завтра после закрытия? — спросил он.

— Да. Но если мне хоть что-то не понравится, я уйду. И вашего монстра-кота там быть не должно.

— Попробую с ним договориться. Он жёсткий переговорщик.

Максим стоял достаточно близко, чтобы она почувствовала запах горького кофе и сандала, исходящий от его пальто. Ветер растрепал тёмную прядь у его виска, и Алисе вдруг, до судороги в пальцах, захотелось протянуть руку и убрать её.

Она сунула руки глубоко в карманы. Макс проследил за этим движением, но промолчал.

Лишь посмотрел так, что стало ясно: он прочёл её порыв от и до.

— Завтра, — выдохнула она, отступая на шаг.

— Завтра.

Алиса развернулась и пошла прочь по набережной. Сделав десяток шагов, она остановилась.

— Максим! — окликнула она.

Он всё ещё стоял там.

— Да?

— Не исчезайте до завтра.

Его лицо смягчилось, сбросив последние маски.

— И не думал.

Алиса развернулась и пошла быстрее, чувствуя, как на губах расцветает улыбка. Обернувшись у самого поворота, она увидела, что он всё ещё смотрит ей вслед.

И на этот раз никто из них не попытался сделать вид, что это просто совпадение.

ГЛАВА 6. УСЫ, ЛАПЫ И ПОДОЗРЕНИЯ

К дверям «Кошкиной лавки» Алиса подошла без десяти одиннадцать. Весь вечер она клялась себе, что ни за что не появится раньше назначенного времени, но здравый смысл с треском проигрывал любопытству.

За широкой витриной царил полумрак. Свет приглушили, стулья сиротливо громоздились на столах, а умолкшая кофемашина блестела в тени холодным хромом. Кошки, избавленные от назойливого дневного внимания, наконец-то вступили в полноправное владение территорией. Одна валяжно растянулась прямо на проходе, вторая оккупировала подоконник, а третья спала на спинке дивана так безмятежно, будто позади осталась изнурительная рабочая смена.

Алиса рассматривала вывеску. Теперь эти слова воспринимались совершенно иначе.

«Кошкина лавка».

Буквы излучали мягкое, медовое тепло, а нарисованный кошачий хвост изгибался с такой хитрой грацией, словно создатель вывески заранее знал: в этих стенах не уживётся ни одно правило.

Она поправила воротник пальто, ловя своё смутное отражение в тёмном стекле.

Факты были неумолимы: она стояла здесь, ночью, перед закрытым кафе, чтобы встретиться с женщиной, которого знала от силы третий день. И всё ради того, чтобы добровольно использовать при нём свой запрещённый дар и посмотреть, что из этого выйдет.

Узнай об этом Серафима, семейные ужины с Воронцовыми показались бы Алисе невинной детской забавой.

Эта мысль вызвала у неё невольную, дерзкую улыбку. Она толкнула дверь.

В ночной тишине дверной колокольчик прозвучал неожиданно громко.

— Вы рано.

Низкий голос Максима донёсся из глубины зала ещё до того, как Алиса смогла его разглядеть.

— На четыре минуты, — парировала она, стягивая кожаные перчатки. — Не преувеличивайте.

Он вышел из-за барной стойки, на ходу вытирая руки полотенцем. На нём была всё та же тёмная рубашка, но рукава теперь были закатаны до локтей, обнажая предплечья. Волосы казались чуть более растрёпанными, чем днём — верный признак того, что последние полчаса он то и дело запуская в них пальцы, пытаясь заставить какую-то упрямую железку работать на чистом раздражении.

Увидев её, Макс задержал дыхание. Всего на долю секунды.

Он откровенно её рассматривал: распущенные волосы,

тёмное сукно пальто, непривычный для неё образ. Несколько секунд затянулись чуть дольше, чем позволяли правила приличия, и Алиса прекрасно это понимала.

— Четыре минуты я как-нибудь переживу, — произнёс он, но не успел спрятать мелькнувшую на губах улыбку.

Где-то под рёбрами у Алисы разлилось непрошеное, слишком знакомое тепло. Она тут же обнаружила, что архитектура пустого кафе заслуживает самого пристального изучения.

— И где ваш главный подозреваемый?

— Вы про Марципана?

— У вас богатый выбор кандидатов?

Максим бросил полотенце на стойку и шагнул ближе.

— Временно изолирован.

— Звучит так, как если бы он под следствием.

— После инцидента с моим замком — практически да.

Она усмехнулась, но, когда Макс оказался рядом, вдруг заметила то, чего никак не ожидала: он тоже нервничал.

Едва уловимо. Ни его голос, ни плавные движения не выдавали тревоги. Но Алиса уже научилась читать его микрожесты. Вот он провёл большим пальцем по грани металлического портсигара на стойке. Сдвинул его на два сантиметра вправо. И лишь затем повторно посмотрел на неё.

Странно, но эта его скрытая нервозность успокоила её лучше любых клятв о безопасности.

— Ещё не поздно уйти, — осторожно сказал он, уловив

её затянувшееся молчание.

Алиса вскинула подбородок.

— Вы этого хотите?

Слова сорвались с губ быстрее, чем она успела их взвесить. Макс на мгновение замер, явно застигнутый врасплох такой прямоотой, а затем медленно покачал головой.

— Нет.

Одно короткое слово. Но прозвучало оно так, будто между ними внезапно исчезли несколько метров пространства.

Алиса нервно крутила в пальцах металлическую кнопку перчатки.

— Тогда не предлагайте.

Он промолчал, но когда Алиса вновь подняла на него глаза, черты его лица неувовимо смягчились.

— Идёмте. — Его голос стал ещё тише. — Пока я окончательно не передумал насчёт этой гениальной затеи.

— Это была ваша идея.

— Именно поэтому я оставляю за собой право сожалеть о ней первым.

Он провёл её через уже знакомый служебный коридор. В этот раз Алиса не задыхалась от аллергии, глаза не слезились, и она смогла разглядеть то, что упустила раньше: крошечные латунные таблички, паутину тонких трубок, ныряющих под деревянную обшивку, аккуратные жгуты старых проводов и странные механизмы, назначение которых оставалось для неё загадкой.

Кабинет Максима тоже преобразился.

Пространство явно готовили к её приходу. Стол отодвинули к окну, освободив центр комнаты. Там, на полу, теперь громоздилась низкая конструкция из полированного дерева и металла, окружённая странными приборами. Казалось, последние полвека они пылились на чердаке какого-нибудь безумного изобретателя. Один походил на корабельный барометр, другой щетинился россыпью лампочек и тумблеров, третий представлял собой стеклянную колбу, опутанную медной проволокой.

Алиса застыла на пороге.

— Вы уверены, что мы будем проводить эксперимент, а не вызывать дух моего прадеда?

Максим, закрывая за ней дверь, глухо рассмеялся.

— Если ваш прадед решит заглянуть на огонёк, нам придётся немного расширить протокол испытаний.

— Серафима не одобрит.

— Начинаю подозревать, что в этом мире вообще мало вещей, способных заслужить её одобрение.

Алиса быстро, оценивающе смерила его с ног до головы. Фраза прозвучала легко, но имя её властной бабушки всё ещё оставалось минным полем, по которому Макс ступал с осторожностью сапёра.

— Вы поразительно быстро её раскусили.

— У меня был отличный учитель.

— Я?

— А есть другие варианты?

Она открыла было рот для колкого ответа, но Макс уже отвернулся. Он склонился над одним из приборов, регулируя положение дрожащей стрелки. Свет настольной лампы выхватил из полумрака резкий профиль, и Алиса вдруг поймала себя на опасной мысли: сосредоточенность чертовски ему идёт.

Почувствовав на себе её внимание, Максим поднял голову.

— Что?

— Ничего.

— Вы смотрите на меня так, будто балансируете на грани важного признания.

Алиса пожала плечами.

— Я просто прикидываю, насколько безумно выглядит весь этот хлам, который вы тут нагромодили.

— А я-то решил, что вы впечатлены.

— Не льстите себе.

— Слишком поздно.

Он улыбнулся — тепло, открыто — и повторно склонился над стеклянной колбой. Алиса прикусила губу, чувствуя, что тоже улыбается, и поспешно отвернулась к окну.

Там, за стеклом, северная столица погружалась в сон. Влажный после недавнего дождя асфальт ловил блики фонарей, одинокие прохожие спешили укрыться от ночной сырости, а над крышами нависало тяжёлое, чернильно-синее

небо.

Здесь, в «Кошкиной лавке», было подозрительно тихо. Непривычно для места, где днём кипела жизнь, звенела посуда, а люди пытались одновременно пить капучино и фотографировать пушистых резидентов.

Максим наконец выпрямился, стряхнув с рук невидимую пыль.

— Начнём с простого.

Алиса подошла ближе, скрестив руки на груди.

— Звучит как ловушка.

— Сегодня ваша задача — просто сидеть.

— И ради этого я тащилась сюда в одиннадцать ночи?

— Ещё можете критиковать моё оборудование. С этим вы справляетесь превосходно.

Она фыркнула и грациозно опустилась в кожаное кресло, установленное прямо в центре комнаты. Макс сел напротив, но его хватило ровно на три секунды. Он снова вскочил, проверил провода, поправил колбу и присел на корточки возле барометра.

— Марципан за этой дверью, — сказал он, не глядя на неё. — Я впускаю его. Вы — не делаете ничего.

— Даже дышать нельзя?

Он поднял глаза, и в их тёмной глубине плясали смешинки.

— Дышать действительно рекомендуется.

— Условия приемлемые.

Он подошёл к двери.

Алиса почувствовала, как внутри всё сжалось в тугую, ледяной узел. Тело отозвалось раньше мысли — почти униЗИтельно. Рассудок твердил: всё под контролем. В прошлые разы всё вышло из-под него из-за стресса, внезапности, магии. Но тело помнило старые травмы лучше любого рассудка.

Пальцы вцепились в подлокотники так, что побелели костяшки.

Максим, уже взявшийся за латунную ручку, нахмурился.
— Эй.

Она вскинула голову.

Его голос изменился. Из него исчезла ироничная лёгкость, оставив лишь густую, обволакивающую мягкость.

— Если вам страшно, мы остановимся прямо сейчас.

Она хотела привычно огрызнуться, сказать, что ей не страшно, но слова застряли в горле. Эта простая фраза ударила в самое незащищённое место.

Сколько лет ей никто не говорил, что она имеет право остановиться? Ей всегда твердили: терпи. Держи лицо. Ответствуй. Делай то, чего от тебя ждут.

А Максим просто стоял, не отпуская ручку двери, и ждал её решения.

— Мне не страшно, — сказала она слишком тихо и неубедительно.

Заметив его скептически вскинутую бровь, она сдалась:
— Ладно. Совсем чуть-чуть.

Он дождался её короткого, утвердительного кивка, и лишь тогда толкнул дверь.

Марципан вошёл так, словно шёл по красной ковровой дорожке, а они были лишь массовой, собранной ради его бенефиса. Огромный кремовый кот присел на пороге, надменно оглядел приборы, Максима, Алису... а затем плюхнулся на пол и с достоинством принялся вылизывать переднюю лапу.

— Он выглядит оскорблённым, — шепнула Алиса.

Макс, прислонившись к стене, не сводил глаз с датчиков.

— Я продержал его в изоляции двадцать минут без пубрики. Для него это трагедия.

— Чудовищная жестокость.

Закончив туалет, Марципан поднялся и устался на Алису.

Она перестала дышать.

Кот сделал шаг. Ещё один.

Алиса прислушалась к себе, ожидая знакомого режущего спазма в горле.

Ничего.

Марципан подошёл вплотную. Она моргнула, сканируя тело на предмет малейшего зуда в глазах.

Тишина. Дыхание оставалось ровным и чистым.

Кот деловито обнюхал носок её туфли, потёрся о подол пальто. И в очередной раз — ничего.

Она медленно, словно во сне, повернула голову к Максиму. Он уже смотрел на неё, не отрываясь.

— Ну? — хрипло спросил он.

— Ничего. — Она сама не узнала свой голос.

Марципан, окончательно решив, что всё в норме, обошёл кресло и вальяжно уселся у её ног. Алиса смотрела на него, всё ещё не веря происходящему.

— Это невозможно.

Макс метнул взгляд на приборы. Стрелки спали мёртвым сном.

— Ощущения?

— Нормально.

— Глаза?

— В порядке.

— Горло?

— Тоже.

— Сделайте глубокий вдох.

Она демонстративно втянула воздух полной грудью.

— Как видите.

На лице Максима отразилось странное выражение. Это было не облегчение. Это был охотничий азарт человека, нащупавшего в темноте то, что другие считали мифом.

— Что? — потребовала она.

Он качнул головой.

— Ждём.

Минуты текли, густые, как патока. Марципан окончательно расслабился, закинув пушистый хвост прямо на её туфлю.

Алиса сидела как изваяние. Чем дольше не наступало уду-

шьё, тем более сюрреалистичной казалась реальность. Всю жизнь, с самого раннего детства, в её подкорку вбивали один и тот же гвоздь: кошки — это смерть. Любая кошка. В любом радиусе. Она шарахалась от них на улицах, отказывалась от гостей, переходила на другую сторону дороги, заведя пушистый хвост.

А сейчас огромное кремовое облако грело её ногу.

И она была жива. И ей было... хорошо.

Рука Алисы сама потянулась вниз. Она замерла в дюйме от кошачьей макушки.

— Можно? — шёпотом спросила девушка, не понимая, у кого спрашивает разрешения — у Макса или у кота.

Максим переключился на Марципана.

— Если хотите.

Алиса хотела — девушка робко, подушечками пальцев, коснулась мягкой шерсти.

Она оказалась шёлковой. Невероятной. Марципан вскинул голову, жёлтые глаза блеснули в полумраке, и, будто поощряя её смелость, он сам боднул её ладонь. Алиса провела рукой за его ухом.

Кожу не обожгло, глаза не защемило привычными слёзами — под пальцами осталось только живое кошачье тепло и густое мурлыканье, резонирующее в пальцах, вперемешку с ошеломляющим чувством, будто ей только что вернули кусок украденного детства.

На её губах расцвела улыбка. Радость проступила на лице

открыто, почти по-детски, и от этого казалась ослепительной.

Макс перестал смотреть на приборы.

Он смотрел только на неё. На то, как расслабились её вечно напряжённые плечи. Как исчезла суровая складка меж бровей. Как светлело её лицо, освещённое изнутри этой внезапной свободой. Ему захотелось поставить время на паузу. Вырезать эту секунду из ткани реальности и оставить себе.

Алиса вскинула голову, поймав его на месте — он просто не успел отвернуться. Между ними натянулось острое, почти электрическое напряжение.

Расстояние в несколько шагов сжалось до опасного минимума.

— Что? — спросила она. Её голос прозвучал предательски нежно.

Максим повернулся к коту, ища у него спасения.

— Ничего.

Алиса едва слышно рассмеялась.

— Вы отвратительно врёте.

Он ответил ей такой же тихой усмешкой.

— Эта фраза грозит стать вашей визитной карточкой.

— Потому что она всегда бьёт в цель.

Марципан, требуя внимания, с силой ткнулся мокрым носом в её ладонь. Алиса ойкнула и в очередной раз рассмеялась.

На какие-то доли секунды весь мир за пределами этой

комнаты перестал существовать. Остался только тёплый свет лампы, рокочущий кот и это непривычное чувство уюта, на который они оба, казалось, не имели никакого права.

Максим первым разорвал чары. Он выпрямился, возвращаясь в режим исследователя.

— Отлично. — Его голос обрёл твёрдость. — Переходим ко второй фазе.

Пальцы Алисы замерли на кошачьей спине.

— А вот теперь мне действительно страшно.

— Вам нужно создать что-то маленькое.

Её позвоночник превратился в стальной прут.

— Я помню уговор.

Заметив, как побледнело её лицо, он сделал шаг навстречу.

— Только не фарфорового кота.

— Премного благодарна за уточнение.

— Пуговицу.

Она моргнула.

— Пуговицу?

— Крошечную, элементарную, убийственно скучную пуговицу.

— Вашим экспериментам не откажешь в размахе и романтике, — язвительно бросила она.

Его взгляд потемнел, задержавшись на её губах чуть дольше положенного.

— Я могу быть романтичным, если потребуется, — про-

ронил он низко.

Внутри Алисы всё перевернулось. Она поспешно уставилась на свои руки.

— Не сегодня.

— Как скажете.

Макс отвернулся к барометру, но она успела заметить, как дёрнулся уголок его губ.

Алиса вытянула руки ладонями вверх. Закрыла глаза. Главное — не вспоминать прошлый раз. Не думать о реакции Серафимы. И уж точно не думать о том, что Макс стоит совсем рядом и смотрит прямо на неё.

А думала она, разумеется, только об этом.

— Вы не могли бы отойти? — процедила она сквозь зубы.

— Мешаю?

— Катастрофически.

— Понял. — Послышались шаги. — Так?

— Ещё.

Он отошёл в самый угол.

— А сейчас?

Она приоткрыла один глаз.

— Сносно.

— Вы жестоки.

— Страдайте молча.

Она закрыла глаза. Сосредоточилась. Знакомое, покалывающее тепло запульсировало между ладонями. В этот раз она не возводила стен, не боролась с ним. Просто позволила

ему течь.

В голове возник образ: пуговица. Обычный пластик, перламутровый блеск, четыре аккуратные дырочки.

Воздух над её руками уплотнился, задрожал. Раздался тихий хлопок вакуума. Пуговица со стуком упала на ладонь. И в эту же секунду всё изменилось.

Марципан вскинул голову. Макс крунулся к приборам.

Одна из стрелок бешено рванула вправо. На железной коробке тревожно замигали красные лампы.

— Максим...

— Замите, — отрезал он. В его голосе не осталось ни следа былой теплоты.

Кот поднялся на лапы. Вся его расслабленность испарилась. Он сфокусировался на Алисе, как хищник на добыче, и метнулся к ней так стремительно, что она не успела даже дёрнуться.

Марципан жадно втянул носом запах её ладони. А затем с силой потёрся мордой о её пальцы.

Девушка инстинктивно напряглась.

— Это... часть плана?

— Нет.

Макс навис над приборами. Стрелка ползла в красную зону.

Марципан, как одержимый, начал тереться о её колени, выгибая спину, будто пытался собрать на свою шерсть невидимую, искрящуюся пыльцу магии, оседавшую на неё.

И тут Алису накрыло. Резь в глазах. Словно под веки плеснули песком. Она судорожно заморгала. Макс бросил датчики, едва заметив её состояние.

— Началось?

— Пока... терпимо.

— Алиса.

— Глаза чешутся.

Он оказался рядом в два широких шага.

— Сильно?

— Жить можно.

Кот вновь боднул её руку. Зуд вспыхнул с новой силой. Горло сдавило колючим обручем. Она сглотнула, пытаясь протолкнуть воздух.

— Максим.

— Всё. Стоп-игра.

— Нет, подождите...

— Я сказал — всё!

— Дайте ещё минуту...

Он посмотрел на неё так свирепо, что она осеклась.

— Вы сейчас начнёте задыхаться.

Его слова оборвал сухой, лающий кашель, разорвавший её грудь изнутри.

Макс сгрёб недовольно вопящего Марципана в охапку, вышвырнул кота в коридор и захлопнул створку.

Через секунду он уже сидел на корточках перед её креслом. Их лица оказались на одном уровне.

— Смотрите на меня.

Она подняла слезящиеся глаза. Макс вглядывался в её лицо с такой напряжённой тревогой, что у неё перехватило дыхание — и на этот раз магия была ни при чём.

Его рука бережно потянулась к её лицу. Пальцы застыли в миллиметре от её кожи. От них исходил жар.

— Можно? — хрипло спросил он.

Она смогла лишь кивнуть.

Его пальцы — тёплые, чуть шершавые — осторожно коснулись её скулы, ловя подбородок, поворачивая её лицо к свету. Прикосновение было невесомым. Клинически точным.

Тогда почему её сердце забилося как сумасшедшее, ударяясь о рёбра?

Он изучал её покрасневшие белки, а она смотрела прямо на него. Вблизи всё было другим: резкая морщинка между его бровей, тень вечерней щетины на скулах, золотистые искры на дне тёмных радужек.

— Сосуды лопаются, — констатировал он, не убирая руку.

— Знаю.

Макс наконец оторвался от её губ и посмотрел прямо ей в глаза.

И завис.

Слова, которые он собирался сказать, рассыпались в пыль. Тишина в кабинете сгустилась, стала тяжёлой, почти осязаемой. Из неё ушла паника, ушла исследовательская отстра-

нённость. Остались только они двое — так близко, что Алиса различала тепло его дыхания.

Макс медленно отнял руку, преодолевая почти физическое сопротивление.

— Воды? Сейчас принесу.

Она кивнула. Вода была последним, что сейчас требовалось, но нужно было заставить его отойти, иначе можно сойти с ума. Стоило Максиму отвернуться, как Алиса судорожно прижала ладонь к щеке — туда, где кожа всё ещё горела от его прикосновения — и мысленно выругала себя за эту слабость.

Он вернулся со стаканом. Жидкость обожигала горло холодом. Минута, две — и спазм начал отступать. Дыхание выравнивалось. На приборах стрелки поползли вниз.

Макс стоял у стола, скрестив руки на груди. В его глазах читалась сложная, мучительная работа мысли: полученные данные складывались в картину, которая меняла всё.

— Ну? — не выдержала Алиса.

Он с силой провёл рукой по волосам.

— Нужен контроль. С другой кошкой.

Она посмотрела на него поверх стакана.

— Решили собрать полную коллекцию моих предсмертных хрипов?

— Скажете «нет» — и мы прямо сейчас закончим. Навсегда.

И она знала, что он не лжёт. Он отступит. И именно это

знание заставило её отставить стакан.

— Тащите вашу кошку.

Он смотрел на неё долгие пять секунд. Потом коротко кивнул.

Следующей была Мята — изящная серая кошка, которой всё происходящее было глубоко безразлично.

Сценарий повторился. Алиса сидела в тишине. Реакции — ноль.

Она материализовала металлическую скрепку.

Мята лениво подошла, понюхала. Приборы слабо пискнули, стрелка дрогнула, но не дошла и до середины шкалы.

Глаза Алисы зачесались, но кашля не было. Лишь лёгкое першение в горле.

— Хватит, — скомандовал Макс, и на этот раз Алиса с облегчением повиновалась.

Когда Мяту унесли, Алиса откинулась на спинку кресла, чувствуя себя так, как после окончания марафона. Разрозненные фрагменты пазла наконец сошлись. Получившаяся картина девушке совсем не нравилась.

— Марципан сильнее, — глухо сказала она.

Макс прислонился к краю стола.

— Да.

— Но пока я не колдую... он на меня не влияет. Ни он, ни Мята.

— Верно.

— А как только я использую магию...

Слова застряли в горле.

Макс смотрел на неё тяжело и прямо.

— Дело не в кошачьей шерсти, Алиса. И не в слюне.

Она нахмурилась, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— Тогда в чём?!

— Я не знаю, — честно ответил он, и в этой голой правде было больше уважения, чем в любой сладкой лжи. — Пока — не знаю.

Алиса уставилась на свои ладони. Этими руками она только что соткала из пустоты пуговицу. И кусок проволоки. Безобидные вещи. Но стоило магии высвободиться, как кошки превращались в катализатор, который её убивал.

— Сколько я себя знаю... — начала она тихо, но ярость быстро прорвалась в голос. — Всю мою жизнь они вдалбливали мне, что я бракованная. Что кошки для меня — яд. Я лишала себя друзей, не заходила в дома, шарахалась от них на улицах!

Пальцы сжались в кулаки. Макс молчал, давая ей выплеснуть эту боль.

— А сегодня... я гладила Марципана. И ничего.

Она вскинула на Макса горящие от гнева и обиды глаза.

— Вы хотите сказать, что они ошибались? Всё это время?!

Он не дрогнул.

— Я хочу сказать, что сегодня мы доказали один неоспоримый факт: ваша аллергия начинается не в тот момент, когда рядом появляется кот.

Алиса поёжилась.

— А когда?

Макс перевёл взгляд на пластиковую пуговицу, сиротливо лежащую на столе. Затем на приборы. И снова на Алису.

— В тот момент, когда вы используете свой дар.

В кабинете разом стало нечем дышать.

Где-то за стеной жалобно мяукнул Марципан, требуя вернуть его на сцену. Алиса содрогнулась от звука, как от выстрела.

— И... что теперь? — прошептала она.

Макс оттолкнулся от стола и шагнул к ней.

— Теперь мы докопаемся до истины.

Она посмотрела в его лицо. В нём не было дешёвой бравады или фальшивого утешения. Только стальная, несгибаемая уверенность.

И именно поэтому после долгих лет недоверия Алиса поверила кому-то кроме себя.

— Мы? — эхом отозвалась она.

На губах Максима появилась слабая, но абсолютно искренняя улыбка.

— Если вы опять не попытаетесь сбежать.

Она смотрела на него, чувствуя, как внутри, сквозь страх и смятение, прорастает что-то новое. Что-то похожее на надежду.

Она ответила ему такой же слабой улыбкой.

— Начиная подозревать, что от вас не так-то легко изба-

ВІТЬСЯ.

— Я же говорил: Марципан предупреждал.
Алиса тихонько усмехнулась.

ЧАСТЬ II. МАРЦИПАН ВЕДЁТ РАССЛЕДОВАНИЕ

ГЛАВА 7. АКСИОМА

Когда за Алисой закрылась тяжёлая дверь «Кошкиной лавки», время уже давно перевалило за полночь. И всё же уходить она не спешила.

Безумный эксперимент завершился. Приборы перестали вздрагивать от невидимых всплесков энергии, серая Мята давно потеряла к происходящему интерес и уснула, а Марципан — которого Макс после второго опыта всё-таки выпустил из заточения в соседней комнате — восседал посреди опустевшего зала. Он вылизывал кремовую лапу с таким невозмутимым достоинством, с видом кота, который только что провёл безупречное научное исследование, без какого-либо участия этих суетливых людишек.

Алиса устроилась за дальним столиком у окна, обхватив озябшими пальцами чашку с чаем, которую Макс поставил перед ней несколько минут назад. Горячая керамика приятно обжигала кожу. В горле ещё стояло слабое, фантомное першение, но глаза перестали слезиться. От недавнего приступа осталась лишь глухая тяжесть в затылке да сосущее

чувство под ложечкой — то самое, что бывает, когда кто-то берёт аксиому всей твоей жизни и играючи доказывает, что это ложь.

За стеклом дремал влажный, умытый дождём город. На мокрой брусчатке дрожало золото фонарей, вдалеке шелестели шины одинокой машины. Тёмные окна старых домов смотрели друг на друга через узкую улицу, храня молчание. Ночная северная столица сбрасывала дневную суету, оставляя лишь воду, камень, редкие огни и старые фасады, за которыми скрывалось куда больше тайн, чем их обитатели готовы были признать.

Алиса смотрела на своё отражение в тёмном стекле, но видела совсем иное.

Марципана у своих ног.

Собственную руку, утопающую в его густой, мягкой шерсти.

И... ничего.

Горло больше не перехватывал спазм, глаза оставались сухими, а привычная паника, всегда поднимавшаяся вслед за первыми признаками приступа, на этот раз даже не объявилась.

Она гладила кота. Впервые в жизни. И чувствовала себя прекрасно.

От этой невероятно простой мысли почему-то становилось почти физически больно.

— Чай скоро остынет.

Алиса опомнилась и обернулась.

Макс стоял за барной стойкой, бережно укладывая хрупкие приборы обратно в деревянные футляры. Он снял часы, небрежно бросив их на столешницу. Рукава его рубашки по-прежнему были закатаны выше локтей, а ткань натянулась на широких плечах, когда он потянулся за очередной коробкой.

Она поймала себя на том, что откровенно рассматривает его, и, спохватившись, поспешно сделала глоток.

— Я его и так пью.

— Вы держите чашку на весу последние пять минут, — не оборачиваясь, заметил он.

— Наблюдаете за мной?

Макс поднял голову. На его губах проступила та самая полуулыбка, которую Алиса уже научилась распознавать.

— Иногда.

Ответ прозвучал настолько просто и естественно. Его пальцы на мгновение остановились на медной застёжке футляра. Он посмотрел ей прямо в глаза — и не стал ни оправдываться, ни переводить всё в шутку.

От этого стало ещё хуже.

Или, возможно, в тысячу раз лучше.

Алиса пока не определилась.

Она поспешно опустила чашку на блюдце и отвернулась к окну, пряча невольную улыбку.

— Вы обещали объяснить, что произошло.

— Я как раз собирался.

— Уже минут десять собираетесь.

— Я спасаю дорогостоящее оборудование.

— Очень увлекательно, но моё терпение на исходе.

Макс с тихим щёлчком закрыл последний футляр.

— Вот за это я и люблю людей, которые врываются ко мне посреди ночи, чтобы проводить нелегальные магические эксперименты. Никакого пиетета к процессу.

Алиса плавно повернулась к нему.

— Любите?

Мужчина осёкся. В его глазах мелькнуло осознание собственной оговорки. Максим Громов — человек, у которого всегда находился острый ответ на любую реплику — оказался застигнут врасплох.

— Я образно выразился, — наконец произнёс он, подхватывая коробки.

— Конечно.

— Даже не начинайте.

— А я ничего и не сказала.

— Вот именно это меня и пугает.

Алиса рассмеялась. Макс покачал головой, но всё же улыбнулся, скрываясь в кабинете.

Она проводила его взглядом, пытаясь понять, почему ей так нравится видеть его растерянным. Наверное, потому, что большую часть времени он казался непробиваемым. Эти короткие мгновения доказывали: под бронёй невозмутимости, ироничных шуток и мрачных тайн прошлого скрывался жи-

вой человек. Тот, кого можно было смутить. И, что скрывать, ей чертовски льстило, что удавалось это именно ей.

Рядом раздался мягкий стук. Марципан запрыгнул на соседний стул.

Алиса прищурилась. Кот и не подумал отвести глаза.

— Даже не думай, — не повышая голоса, но твёрдо предупредила она.

Марципан медленно моргнул.

— Мы с тобой ещё не друзья.

На край стола легла массивная кремовая лапа.

— Я серьёзно.

Появилась вторая.

— Марципан!

Одним грациозным движением кот оказался на столе.

— Потрясающе.

— Я смотрю, вы нашли общий язык. — Макс вернулся в зал, прислонился к дверному косяку и скрестил руки на груди, с видимым удовольствием наблюдая за сценой.

Алиса беспомощно посмотрела на него.

— Заберите его.

— Почему?

— Потому что он на столе!

— Это его стол.

— Это кафе!

— Попробуйте аргументировать это ему.

Тем временем Марципан деловито приблизился к чашке

Алисы и принялся. Девушка отодвинула блюдце. Кот сделал шаг следом.

— Макс.

Выражение его глаз неуловимо изменилось. Алиса почувствовала, как краска приливает к щекам, и тут же захотела забрать свои слова обратно, но было уже поздно.

— Что? — тихо спросил он, подходя к столику.

— Ваш кот меня терроризирует.

— Наши отношения развиваются куда стремительнее, чем я рассчитывал.

— Какие ещё отношения?

Макс привычным движением подхватил Марципана под живот и снял со стола.

— Ваши с ним.

— А-а.

Алиса почувствовала укол разочарования и тут же мысленно отругала себя. Чего она ждала?

Макс сел напротив, устроив кота на коленях. Марципан немедленно свернулся клубком, положил тяжёлую голову на предплечье хозяина и завёл громкий, рокочущий моторчик.

Алиса заворожённо наблюдала за ними. Картина была дощеляющей боли уютной. Мужчина с закатанными рукавами, огромный пушистый кот, тёплый круг света от лампы в пустом ночном кафе.

Девушка вдруг ясно представила, как легко можно было бы привыкнуть ко всему этому. К уютному столику. К Мар-

ципану. К человеку, сидящему напротив.

Она стиснула чашку так, что побелели костяшки. Чересчур быстро. Всё это происходило слишком быстро.

— Итак, — произнесла она, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал легко и непринуждённо. — Я готова слушать.

Макс задумчиво провёл ладонью по спине кота.

— Только давайте сразу проясним: это лишь теория.

— Договорились.

— Я серьёзно, Алиса. У нас есть лишь один нормальный эксперимент и один контрольный. Для выводов этого мало.

— Я понимаю. — Кивнула она.

Мужчина выдержал паузу, собираясь с мыслями, затем аккуратно снял с рукава несколько длинных кремовых шерстинок.

— Вы видели его реакцию на пуговицу.

— Как будто я внезапно превратилась в гигантский куст кошачьей мяты.

Макс усмехнулся.

— Очень точное сравнение. До того, как вы применили магию, вы просидели рядом десять минут. Гладили его, он тёрся о вашу одежду. Никакой реакции.

— А потом я создала пуговицу.

— И он без колебаний подошёл.

Алиса посмотрела на Марципана. Тот сладко спал, абсолютно равнодушный к тому, что стал центром научной дискуссии.

— Почему?

Макс положил шерстинку на столешницу.

— На шерсти остаётся магический след.

Алиса нахмурилась.

— Мой?

— После применения дара остаётся фон. Обычно он рассеивается за несколько секунд. А здесь задержался.

Максим поднял волосок к лампе.

— Шерсть его удерживает. Не любую магию и не навсегда, но эту — удержала.

— То есть Марципан собирает мою магию?

— Похоже на то.

Она посмотрела на спящего кота с нервным смешком.

— Он что, ходячая метёлка для волшебства?

Макс рассмеялся так громко и неожиданно, что Марципан приоткрыл один возмущённый глаз.

— Не смотри на меня, — сказала Алиса коту. — Это он автор теории.

— Зато автор термина — вы, — парировал Макс.

— Звучит понятнее вашей лекции.

— Не поспоришь.

Марципан вздохнул и сладко уснул. Улыбка сошла с лица Алисы, уступив место тревоге.

— Хорошо. Но почему мне становится плохо?

Макс замолчал. Его пальцы, ритмично поглаживающие кота, замедлились.

— Вот этого я не знаю, — наконец произнёс он.

— Но у вас есть догадки.

— Есть.

— Говорите.

Он поднял голову и тяжело, сумрачно посмотрел на неё.

— Мне не нравится то, о чём я думаю.

Алиса невольно напряглась.

— Знаете, после событий сегодняшнего вечера меня уже трудно чем-то напугать.

— Лучше всё-таки выслушайте до конца.

— Макс.

Он тяжело выдохнул и откинулся на спинку стула.

— Хорошо. Представьте процесс: вы материализуете предмет. Вокруг вас образуется тончайший слой остаточной энергии. Вы его не ощущаете, мои приборы едва фиксируют, но Марципан улавливает его с первого же импульса.

— И поэтому идёт ко мне.

— Именно. Он трётся о ваши руки, одежду, собирая этот магический след на свою шерсть. Как магнит.

Алиса коротко кивнула. Картинка складывалась.

Спокойный кот. Пуговица. Взрыв интереса. Кот, отчаянно ласкающийся к её рукам. А потом — удушье и зуд.

— И когда концентрация моей магии на нём достигает предела...

— Начинается реакция.

Она провела дрожащим пальцем по ободку остывшей

чашки.

— Реакция на мою собственную магию.

— Возможно.

— Это же чистое безумие!

— Согласен.

— Выходит, у меня аллергия на собственное волшебство?

Макс неожиданно мягко улыбнулся.

— Если вам нужен самый драматичный заголовок — то да.

— Звучит чудовищно.

— Вы сами это произнесли.

— Потому что это вы заставляете меня сидеть посреди ночи в кафе и слушать, как меня отравляет мой собственный дар! Я имею право на немного драмы.

— Сдаюсь. — Он примирительно поднял свободную руку.

— Сцена ваша.

Алиса хотела улыбнуться в ответ, но губы не слушались. Только теперь она по-настоящему поняла смысл сказанного.

«Меня травит собственная магия.»

Она опустила голову и разглядывала свои ладони.

Сколько раз в детстве Серафима одёргивала её, едва замечая искры дара? Сколько раз твердила об осторожности? И сколько раз так совпадало, что после случайного выброса магии рядом порой оказывалась какая-нибудь кошка — дворовая, соседская, случайно забежавшая в дом?

Воспоминания, смазанные временем, теперь обретали

зловещую чёткость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.